Г. Г. Шпеттъ.

Л О Г И К А.

Лекціи, читанныя въ 19-11/12 г.
на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

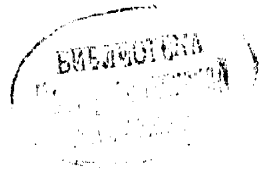
По запискамъ слушательницъ.

М о с к в а.

1/6.

1В

Пров. 1959



573
35

ЗНАЧЕНІЕ ЛОГИКИ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію курса логики, я считаю необходимымъ остановить ваше вниманіе на томъ, какое значеніе можетъ имѣть логика, какъ предметъ преподаванія, каково ея мѣсто среди другихъ наукъ, слѣдовательно, на вопросѣ о теоретическомъ значеніи логики; въ связи съ этимъ придется коснуться и ея практическаго значенія. Выясненіе этого вопроса я считаю существенно важнымъ потому, что обычно мы встрѣчаемъ на него самые разнообразные отвѣты. Въ широкой публикѣ одни смотрятъ на логику, какъ на одну изъ важнѣйшихъ наукъ, другіе относятся къ ней съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и даже предубѣжденіемъ. Нужно отмѣтить, что колебанія и сомнѣнія въ значеніи логики и даже часто отрицательное отношеніе къ ней возникаютъ не только у такъ называемой широкой публики, но, что гораздо важнѣе, у самихъ учащихся, у тѣхъ, которые уже ознакомились съ элементарнымъ курсомъ логики. Это послѣднее обстоятельство является особенно существеннымъ, такъ какъ я держусь того взгляда, что логика есть основной предметъ среди тѣхъ наукъ, которыя изучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что настоящее высшее образованіе безъ логики невозможно, и что тотъ, кто не знакомъ съ логикой - необразованный человѣкъ. Въ защиту такого рѣшительнаго взгляда я по-

стараюсь привести вѣскіе аргументы. Я не случайно связалъ вопросъ о значеніи логики съ высшимъ образованіемъ вообще. Идея универсальнаго, университетскаго образованія, идея universitas всегда воодушевляла и высоко оцѣнивалась всѣми дѣятелями просвѣщенія, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ нѣчто глубоко объединяющее по идеѣ своей всѣ разнообразныя отрасли знанія. И вотъ теперь является вопросъ, какая же наука или группа наукъ служитъ этимъ объединяющимъ началомъ? Стоитъ только заняться перечисленіемъ наукъ, чтобы убѣдиться, что этой цѣли не можетъ служить никакая другая наука, кромѣ философіи, которая и является основой и вѣнцомъ всѣхъ наукъ. Если я теперь скажу, что логика есть одна изъ философскихъ наукъ, то уже тѣмъ самымъ подчеркну ея непререкаемое значеніе, но я могу сказать еще больше, я могу утверждать, что логика есть основа философіи, что она является такъ же точно ея объединяющимъ началомъ, какъ сама философія объединяетъ всѣ остальныя науки. Чтобы высказанное мнѣніе стало еще болѣе яснымъ и доказательнымъ, остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о томъ, что такое философія и въ какой связи съ ней находится логика. Если мы обратимся ко всевозможнымъ опредѣленіямъ философіи, то они насъ поразятъ своимъ многообразіемъ; но есть одно опредѣленіе, которое проходитъ красной нитью черезъ всю исторію философіи, и на которомъ - сойдутся философы самыхъ разнообразныхъ школъ и направленій. Это опредѣленіе давалось философіи во всѣ времена, на всѣхъ

языкахъ, выражалось въ самыхъ разнообразныхъ терминахъ, но означало всегда одно и то же, а именно, что задачей философіи является в с е . В с е - вотъ объектъ философіи. Вѣдь даже въ обычной жизни, употребляя терминъ философія, мы примѣняемъ его ко всему: мы говоримъ философія природы, философія духа, науки, даже философія города, городской жизни, философія модъ 19 вѣка, слѣдовательно, уже обычное употребленіе слова философія показываетъ, что ея значеніе является какъ бы всеобщимъ. Но сейчасъ же, конечно, возникаетъ вопросъ, какъ же философія можетъ изучать все: вѣдь отдѣльныя науки такъ широки по своему объему, что нѣтъ спеціалиста, который бы обнималъ всѣ отрасли знанія. Это сомнѣніе легко разрѣшится, если мы поясникъ приведенное опредѣленіе философіи еще нѣкоторымъ добавленіемъ о томъ, к а к ъ изучаетъ в с е философія. Я приведу для этого опредѣленіе философіи у Платона, за которое стоитъ авторитетъ старины и которое хорошо выясняетъ въ чемъ сущность дѣла. Въ сочиненіи Платона "Политика или Государство" приводится разговоръ, въ которомъ принимали участіе Сократъ и Главконъ. Послѣ обсужденія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, Главконъ задаетъ вопросъ Сократу: "Кого можно назвать философомъ?", или, если бы они говорили по-русски, кого можно назвать любителемъ мудрости. Въ отвѣтъ на это Сократъ задаетъ другой вопросъ: "скажи, тотъ кого мы называемъ любящимъ не долженъ одно въ томъ любить, а другое нѣтъ, то обязанъ любить в с е ? Кому мы приписываемъ желаніе чего

нибудь, в с е г о ли этого рода желаетъ, или одного въ немъ желаетъ, другого нѣтъ?".- "Всего". "Не припишемъ ли и философу желаніе мудрости, не этой, или той, а всей? Слѣдовательно, того, кто готовъ наслаждаться всякимъ знаніемъ, кто съ удовольствіемъ идетъ учиться и бываетъ ненасытенъ въ этомъ отношеніи, того и назовемъ истиннымъ философомъ". Главконъ возражаетъ:"но вѣдь между тѣми бываетъ слишкомъ много людей безтолковыхъ, а между тѣмъ они, будто въ наемъ отдавъ свои уши, чтобы выслушивать всѣ хоры, бѣгаютъ по Діонисовымъ празднествамъ. Неужели и они философы?" - "Конечно нѣтъ".-"Кого же ты называешь истиннымъ философомъ?" Сократъ отвѣчаетъ:" "Любящихъ созерцать истину. Тѣ, о которыхъ ты говорилъ, охотно приходятъ слушать и смотрѣть, любятъ прекрасные звуки и цвѣта, но любить и видѣть п р и р о д у прекраснаго умъ ихъ безсиленъ". Изъ этого діалога выясняется, такимъ образомъ, въ чемъ коренная разница между философскимъ и нефилософскимъ изученіемъ: истинный философъ интересуется не отдѣльными внѣшними явленіями, а старается проникнуть въ сущность вещей, желаетъ понять п р и р о д у всего того, что изучается. Такимъ ограниченіемъ задача философіи, очевидно, уже опредѣляется и не кажется такой претенціозной. Но что же есть это в с е , которое составляетъ предметъ философіи? На это, прежде всего, конечно, отвѣтятъ такимъ образомъ: "міръ обнимаетъ все, что есть". Это и есть все. Но вѣдь кромѣ того, что е с т ь, мы изучаемъ и то, чего н ѣ т ъ , и особенно много вниманія удѣляемъ тому,

чего нѣтъ, такъ какъ, признаемъ, что оно д о л ж н о быть, и особенно цѣнимъ его, такъ какъ предполагаемъ, что должно быть только то, что цѣнно. Явленія природы, окружающія насъ данныя міра сами по себѣ цѣнности не имѣютъ; что есть цѣнно, мы видимъ только постольку, поскольку это можетъ служить средствомъ для того, что д о л ж н о быть. Философія, какъ наука обо в с е м ъ, изучаетъ не только то, что есть, но и то, что д о л ж н о быть въ области цѣнностей. Сама философія занимается основнымъ вопросомъ о цѣнностяхъ, которыя мы считаемъ высшими: цѣнность истины, цѣнность блага и цѣнность красоты. По существу эти три группы цѣнностей, конечно, нераздѣльны, и мы постоянно употребляемъ такія выраженія, какъ истинное благо, истинная красота, благо истины и красоты, т.е. выраженія, которыя указываютъ на то, что здѣсь есть внутренняя связь. Но все-таки, они представляютъ собой три различныя области, такъ какъ нормируютъ три различныя сферы нашего отношенія къ міру и другъ къ другу: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ истинѣ, мы говоримъ о познаніи, гдѣ рѣчь идетъ о благѣ, мы говоримъ о поведеніи, гдѣ рѣчь идетъ о красотѣ, мы говоримъ о наслажденіи, а вѣдь по существу познаніе, поведеніе и наслажденіе—это и есть то, что въ цѣломъ составляетъ творческую жизнь, т.е. то, что въ дѣйствительности является самымъ цѣннымъ и высокимъ. Теперь я могу спросить, возможно ли самое поведеніе или наслажденіе, если я не могу п о з н а в а т ь той цѣли, которой я долженъ руководствоваться въ поведеніи,

и тѣхъ объектовъ, которые вызываютъ во мнѣ наслажденіе? Конечно, невозможно: не можетъ быть осуществлена жизнь благая и красивая безъ познанія того, что такое благо и красота; нельзя дѣйствовать, невозможно наслаждаться, если мы предварительно не познаемъ того и другого. Слѣдовательно, познаніе является основнымъ по отношенію къ поведенію и наслажденію, но вѣдь та наука, которая говоритъ о познаніи, объ истинѣ, какъ цѣли познанія, о средствахъ къ достиженію этой истины, эта наука - и есть логика. Итакъ, если по отношенію къ другимъ философскимъ вопросамъ, вопросъ о познаніи является основнымъ, то тѣмъ самымъ логика является основнымъ предметомъ среди другихъ наукъ, и должна лежать въ основѣ университетскаго образованія. Кромѣ того, логика, какъ дисциплина философская, должна изучать все, и она изучаетъ все, что цѣнно для истины. Правда, и другія науки стремятся къ истинѣ, но онѣ ставятъ себѣ болѣе узкія цѣли. Можно было бы сказать, что отдѣльныя спеціальныя науки стремятся къ истинѣ въ данной области, частичной, тогда какъ логика ставитъ вопросъ объ истинѣ въ ея цѣломъ. Чтобы пояснить еще болѣе это положеніе, я опять обращусь къ Платону. Платонъ въ своемъ раздѣленіи наукъ отводитъ логикѣ почетнѣйшее мѣсто, считая діалектику основной въ средѣ философскихъ наукъ. Но терминъ "философія" у Платона имѣетъ нѣсколько иной, чѣмъ теперь, смыслъ: онъ подразумѣваетъ подъ ней не только то, что мы сейчасъ называемъ философіей, а также и тѣ науки, какъ, напримѣръ,

физика, математика и др., которыя мы теперь считаемъ спеціальными. Историческое развитіе наукъ и заключается въ томъ, что изъ этого общаго философскаго лона выдѣлились отдѣльныя науки и начали вести самостоятельную жизнь. Но логика выдѣлиться не можетъ, она всегда останется основной среди философскихъ наукъ и по мѣрѣ того, какъ будутъ выдѣляться другія науки, ея руководящее значеніе, конечно, останется за ней. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы не назовемъ наукой простое собраніе хотя бы огромнаго матеріала, и знаніе этого матеріала мы не будемъ считать знаніемъ научнымъ, покамѣстъ матеріалъ этотъ не будетъ обработанъ по методамъ логики. Только логическое знаніе есть научное, и кто интересуется какой либо наукой, интересуется, слѣдовательно, и ея логической стороной. Конечно, мы знаемъ, что бываетъ множество прекрасныхъ ученыхъ, которые выполняютъ спеціальныя работы, дѣйствуютъ совершенно логически, не интересуясь логикой. Нельзя, конечно, отрицать у нихъ извѣстной находчивости, таланта, но можно навѣрное сказать, что работоспособность этихъ людей сильно увеличилась бы, еслибы они были вооружены знаніемъ логики. Что же касается вопроса о практическомъ значеніи логики, я могъ бы высказать, можетъ быть, парадоксальное, на первый взглядъ, положеніе, что логика полезна уже тѣмъ, что доказываетъ, что наука вообще никакой практической пользы не приноситъ. Не преслѣдуя сама никакой практической цѣли, логика имѣетъ, однако, огромное значеніе въ одной изъ самыхъ важныхъ практическихъ обла-

стей жизни, а именно, въ дѣлѣ воспитанія. Вопросы педагогики, поскольку рѣчь идетъ объ опредѣленіи цѣнности нашего образованія и тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ оно можетъ быть осуществлено, безъ логики разрѣшены быть не могутъ. Для того, чтобы выяснить вопросъ о томъ, какъ нужно преподавать, напримѣръ, исторію, непремѣнно надо уяснить себѣ логическую природу исторіи. Здѣсь, конечно, возможны добросовѣстныя рѣшенія отъ души, но безъ основательнаго знанія логики этотъ вопросъ всегда остается открытымъ. Однако, все это огромное значеніе логики не принимается въ соображеніе учащимися и, большей частью, послѣ прослушанія курса ими овладѣваетъ разочарованіе въ этой наукѣ. Причину этого разочарованія я вижу въ томъ, что, когда говорятъ о практической пользѣ логики, то отъ нея ждутъ очень многаго, ждутъ, что она научитъ правильно, безошибочно мыслить; логика, конечно, не можетъ этого сдѣлать, и отсюда разочарованіе и сомнѣніе въ ея значеніи. Кромѣ того, вѣдь тотъ курсъ, который читается въ высшей школѣ, есть только азбука науки, и тотъ, кто заранѣе не вмѣнитъ себѣ въ обязанность с а м о с т о я т е л ь н о работать въ области логики, тотъ книги истины не научится читать. Тотъ, кто дѣйствительно любитъ науку и боится разочароваться въ ней, долженъ упорно и усиленно работать. Является, конечно, вопросъ о томъ, какъ работать. Я приведу очень характерное въ этомъ отношеніи воспоминаніе современнаго ученаго, Пирсона, который въ своей книгѣ по логическимъ вопросамъ: "Грамматика

наукъ", говоритъ между прочимъ слѣдующее:" Одинъ предметъ я особенно ненавидѣлъ въ школѣ - это греческій языкъ. Теперь я все позабылъ изъ его содержанія, но осталось только одно методъ, и за это всегда буду благодаренъ этому предмету". Вотъ тѣ, кот.поймутъ настолько логику, что съ ея помощью сумѣютъ оцѣнить методъ науки и ея логическое значеніе, тѣ не будутъ задавать вопросовъ с томъ, какое значеніе можетъ имѣть для насъ логика.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ЗАДАЧИ ЛОГИКИ .

Перейдемъ теперь къ выясненію того, что такое логика, какъ наука, каковы ея задачи. Обычное опредѣленіе, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ учебникахъ гласитъ: "логика есть наука о правильномъ мышленіи"; но это опредѣленіе можетъ быть расширено: если логика есть наука о правильномъ мышленіи, а съ правильнымъ мышленіемъ мы имѣемъ дѣло въ наукахъ, слѣдовательно, логика есть наука о наукахъ. Это - очень старое опредѣленіе, высказанное еще въ средніе вѣка Дунсомъ Скоттомъ. Логика изучаетъ, конечно, не содержаніе наукъ, а тѣ пути и средства, съ помощью которыхъ науки осуществляютъ свои собственныя задачи, т.е., если мы согласимся что науки осуществляютъ завѣдомо правильное мышленіе, то мы должны будемъ сказать, что логика изучаетъ пути и средства правильнаго мышленія, или, если говорить по гречески, изучаетъ методы наукъ. Мы привыкли къ тому, что во всѣхъ наукахъ мы встрѣчаемся съ

установленіемъ нѣкоторыхъ законовъ, логика также устанавливаетъ законы, а именно законы мышленія, но отъ всѣхъ другихъ наукъ логика будетъ отличаться своимъ методомъ. Логика изучаетъ мышленіе и методы, но изучаетъ вовсе не такъ, какъ естественныя науки свои предметы, она не занимается разсмотрѣніемъ того, какъ совершается процессъ мышленія - это дѣло психологіи,- логика же устанавливаетъ только законы или нормы мышленія, которымъ мы должны повиноваться, и всякое отступленіе отъ которыхъ повлечетъ за собой неправильность мышленія. Сейчасъ же можетъ явиться вопросъ: откуда у логики такое право устанавливать нормы и требовать, чтобы имъ повиновались, почему мы можемъ быть убѣждены въ правильности этихъ нормъ? Чтобы отвѣтить на это, необходимо выяснить такое положеніе: потому ли мы признаемъ что-нибудь правильнымъ или неправильнымъ, что оно согласуется или не согласуется съ нормами или сами же нормы мы признаемъ только потому, что мы знаемъ, что можетъ быть правильнымъ или неправильнымъ. На это можно отвѣтить такъ, какъ обычно отвѣчаютъ въ другихъ наукахъ, аналогичныхъ логикѣ по своему методу, какъ, напримѣръ, въ этикѣ или эстетикѣ. Если бы мы задали вопросъ, потому ли мы такъ дѣйствуемъ, что считаемъ свои поступки соотвѣтствующими правиламъ нравственности или же самыя правила признаемъ потому, что знаемъ, что онѣ правильны, то единственный цѣлесообразный отвѣтъ этики заключался бы въ томъ, что с о в ѣ с т ь подсказала, что это правильно, и что

конечно, нормы поведенія мы признаемъ потому, что онѣ согласуются съ нашей совѣстью. Аналогичный отвѣтъ съ ссылкой на совѣсть, на чувство прекраснаго мы получили бы и въ эстетикѣ; въ томъ же смыслѣ мы можемъ говорить и о логическихъ доказательствахъ. Какъ въ этикѣ есть совѣсть по отношенію къ оцѣнкѣ добра и зла, такъ и въ познаніи есть совѣсть по отношенію къ различію истины и лжи, есть чутье истины, причемъ, безспорно, одни въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ большую чуткость, другіе меньшую. Но если мы признаемъ совѣсть основнымъ критеріемъ въ дѣлѣ различія истины и лжи, то съ насъ потребуютъ теоретическаго обоснованія этой ссылки, говоря: "если вы ссылаетесь на совѣсть, то подчиняете теоретическій разумъ практическому, тому, который руководитъ нашимъ поведеніемъ. Если понимать подъ нашимъ поведеніемъ наше сознаніе, и если логика претендуетъ быть наукой автономной, то она должна теоретически эту ссылку о б о с н о в а т ь ". Для этого намъ придется разобрать два вопроса: 1/ возможна ли такая автономная или, какъ часто выражаются, чистая логика, которая не опирается на повелѣнія воли и на голосъ совѣсти, и, если такая логика возможна, то есть ли ея содержаніе нѣчто разъ навсегда данное, или же оно мѣняется, развивается, 2/ въ чемъ особенность логики, какъ нормативной науки, т.е. въ чемъ ея собственный методъ. Отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ значитъ выяснить задачи логики; что же касается перваго вопроса, о томъ, устанавливаетъ ли логика абсолютныя, неизмѣнныя ис-

тины или ея содержаніе развивается, то по этому поводу были высказаны самые противоположные взгляды. Кантъ, напримѣръ, держался того мнѣнія, что то, что дано въ логикѣ, дано разъ навсегда и не мѣняется, другіе философы утверждаютъ, что логика развивается. Для того, чтобы намъ разобраться въ этомъ существенно важномъ вопросѣ, мы поставимъ его такимъ образомъ: есть ли у логики исторія? Логика есть наука о наукахъ, если у наукъ есть исторія, то какъ же ея можетъ не быть у логики? Науки развиваются, вмѣстѣ съ ними развивается и логика. Если мы обратимся теперь, дѣйствительно, къ исторіи логики, то увидимъ какъ совершается это развитіе. Начало логики относится собственно къ тому времени, когда въ греческой жизни такъ много шуму вызвало появленіе софистовъ и Сократа среди нихъ; имъ, въ особенности Сократу, и принадлежитъ закладка фундамента нашей науки. Конечно, тѣ вопросы, надъ которыми они останавливались, были очень узкіе, какъ напримѣръ, вопросы о томъ, чѣмъ человѣкъ мыслитъ, что такое понятіе, какъ образуется понятіе, но начало было все-таки положено. Гораздо шире и уже совершенно логически ставитъ вопросъ о задачахъ логики Платонъ; для характеристики его воззрѣній на логику я приведу слѣдующее мѣсто изъ его сочиненій. Сократъ разговариваетъ съ однимъ софистомъ и послѣ длиннаго разговора, въ которомъ ни тотъ ни другой другъ друга не убѣдили, Сократъ, выведенный изъ себя софистомъ, спрашиваетъ его по поводу утвержденія того, что всѣ понятія относительны, и ни-

чего нѣтъ въ мірѣ абсолютнаго: "Значитъ почтенный не есть почтенный и красивый не есть красивый?" Софистъ отвѣчаетъ: "А это какъ мнѣ понравится". Но если дѣйствительно все зависитъ отъ того, "какъ мнѣ понравится" то, разумѣется, ни о какой логикѣ не можетъ быть и рѣчи. Платонъ сознаетъ это и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, но, къ сожалѣнію, дальше установленія элементарныхъ логическихъ пріемовъ дѣло у него не идетъ. Полнаго расцвѣта достигаетъ логика во времена Аристотеля, трудами котораго создается, дѣйствительно, совершенно законченная логика, и все то, что мы теперь изучаемъ подъ названіемъ формальной логики, цѣликомъ взято и передается почти въ такомъ же видѣ, какъ оно было дано Аристотелемъ. Въ средніе вѣка логика почти не подвигается впередъ. Важный моментъ въ развитіи логики представляетъ эпоха Возрожденія: какъ только проявился интересъ къ математикѣ и естествознанію, какъ только двинулись впередъ науки, сейчасъ же начала развиваться и логика. Декартъ, который самъ явился основателемъ аналитической геометріи, увлекся логикой и хотѣлъ истолковать ее, какъ математикъ, примѣняя синтетическій методъ, который и есть методъ математическій. Бэконъ, разрабатывавшій вопросы естествознанія, вводитъ ученіе объ индукціи. Только исторія сначала отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ наукъ, но во второй половинѣ 19 вѣка все вниманіе логики устремилось на то, чтобы открыть специфическій характеръ исторіи, какъ науки. Граница

логики, слѣдовательно, все болѣе и болѣе расширяются. Но если логика развивается, то одна истина въ ней смѣняется другой, и возникаетъ вопросъ: какія же истины логики надо считать абсолютными? На это можно отвѣтить: въ логикѣ собственно если она желаетъ установить правила м ы ш л е н і я , должна быть нѣкоторая апріорная, неизмѣнная , а б с о л ю т н а я часть, и должна быть д р у г а я часть, которая будетъ мѣняться по мѣрѣ того, какъ развивается наука и открываются новые пути изслѣдованій, новые методы, которые эта часть логики обязана зарегистрировать и показать ихъ общее значеніе для всѣхъ другихъ наукъ... Что касается этой послѣдней части то она, повидимому, не вызываетъ никакихъ сомнѣній, но вопросъ о существованіи логики абсолютной остается открытымъ. Тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ перейти къ обсужденію этого вопроса, я хочу заняться второй частью логики и показать, что въ ней нѣтъ относительности, нѣтъ произвола. Обычный ходъ разсужденія, приводящій къ доказательству относительности этой части логики, таковъ: логика регистрирующая заноситъ на свои страницы все, что сдѣлано въ другихъ наукахъ въ области метода, но методы опредѣляются цѣлями изслѣдователя, и установленіе нормъ зависитъ въ значительной степени отъ того, какъ эти цѣли понимать, т.е. нормативный характеръ логики необходимо связанъ съ телеологическимъ характеромъ ея, а тамъ гдѣ телеологія, тамъ воля, а гдѣ воля - тамъ и произволъ. Вѣдь логика не можетъ обязывать выбирать тѣ или иныя цѣли и пути къ ихъ

осуществленію, т.к. она запрещала бы тогда пути творчества, брала бы на себя роль цензуры, а она не имѣетъ права этого дѣлать, т.к. мы знаемъ десятки случаевъ, когда вопреки нарушеннымъ правиламъ, открывались новѣйшіе пути, приводившіе, дѣйствительно, къ плодотворнымъ результатамъ. Если же логика не можетъ обязывать въ выборѣ путей, то значитъ, она основана на произволѣ и въ ней нѣтъ ничего постояннаго. На это разсужденіе мы можемъ дать слѣдующій отвѣтъ. Если бы мы даже предположили, что цѣли и пути науки мѣняются, то развѣ не можетъ быть науки о мѣняющихся путяхъ? Конечно, всякій ученый мыслитъ и изслѣдуетъ по своему, однако, объ общемъ говорятъ, и какъ бы ни были разнообразны пути мышленія, въ нихъ всегда можно найти н ѣ ч т о общее, и поскольку мы это общее зарегистрируемъ какъ таковое, мы можемъ претендовать на то, чтобы оно считалось объективнымъ. Такой аргументъ противъ относительности мы все-таки могли бы привести, какъ я уже говорилъ, если бы намъ даже доказали, что цѣли науки мѣняются произвольно, но, въ дѣйствительности, тотъ, кто станетъ утверждать, что цѣли науки мѣняются, тотъ не понимаетъ характера науки. Произвольность въ постановкѣ цѣлей только кажущаяся, если бы она была дѣйствительная, то въ выборѣ какого нибудь эксперимента, ученый руководствовался не тѣмъ, что ему необходимо, а тѣмъ, что ему хочется, но вѣдь въ научной работѣ такъ не дѣйствуютъ. Если бы цѣли выбирались произвольно, то у насъ не было бы критерія для того, чтобы судить о наиболь-

шей цѣлесообразности. Очевидно цѣли выбираются принудительно и мы должны установить, что либо выборъ цѣлей обусловливается постояннымъ предметомъ, либо существуетъ сама по себѣ абсолютная цѣль. Если мы не признаемъ одного изъ этихъ "либо" или обоихъ, то никакая наука невозможна. Вѣдь если бы зоологъ, приступая къ работѣ, совершенно не былъ убѣжденъ въ томъ, что то, что сейчасъ называется "кроликъ" не превратится въ минералъ, то никакая работа не была бы для него возможна. Мы должны признать, такимъ образомъ, что есть нѣкоторые, совершенно общіе предметы, которые принуждаютъ; и, слѣдовательно, о сужденіяхъ, которыя мы высказываемъ по отношенію къ этимъ предметамъ мы можемъ говорить, какъ о сужденіяхъ обязательныхъ, объективныхъ, или абсолютныхъ. Намъ могутъ сказать на это, что конечно, съ точки зрѣнія грубой, объектъ и не мѣняется, но если мы будемъ смотрѣть глубже, то окажется, что въ предметахъ нѣтъ совершенно устойчивости. Раньше, напримѣръ, казалось такъ легко отличить міръ животныхъ отъ міра растеній, а теперь натуралистъ будетъ въ большомъ затрудненіи, если ему придется проводить рѣзкую грань между этими двумя царствами. Да и какъ можно говорить объ абсолютной истинѣ, когда весь смыслъ научной работы заключается въ идеѣ эволюціи, которая проникла всюду и побѣдила всякія абсолютныя утвержденія. Наконецъ, всѣ господствующія сейчасъ въ философіи направленія какъ разъ утверждаютъ относительность нашихъ познаній. Такъ, эмпиризмъ, позитивизмъ, признаютъ,

что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, критицизмъ утверждаетъ, что міръ познается только, какъ явленіе. Слѣдовательно, есть области въ которыхъ мы должны сказать, "не познаемъ", а тогда, конечно, ни о какихъ абсолютныхъ истинахъ не можетъ быть и рѣчи. Возразить на это можно только такъ: конечно, скептицизмъ господствуетъ сейчасъ, но это есть философская болѣзнь, несчастье нашего времени, основная ложь, съ которой мы должны бороться, такъ какъ либо истина существуетъ, какъ абсолютная, либо истины вовсе нѣтъ; вѣдь всякая полуистина есть даже не полуложь, а абсолютная ложь. Мнѣ могутъ сказать, что это есть аргументъ къ сердцу, и что такое рѣшительное мнѣніе я долженъ доказать теоретически, т.е. долженъ логически связать міровую идею развитія съ признаніемъ абсолютнаго. Дѣйствительно, отрицать идею развитія, конечно, никто не станетъ, но что такое развитіе? Есть ли это умираніе и созданіе вновь? Конечно, нѣтъ; развитіе есть раскрытіе того, что дано въ зародышѣ, не пріобрѣтеніе новаго, а дополненіе къ тому, что было. Если я скажу, что я развился по сравненію съ моимъ возрастомъ въ 7 лѣтъ, то это не значитъ, что я семилѣтній умеръ и создался другой. Если бы "развитіе" означало, что все ежесекундно рождается и ежесекундно умираетъ, то всѣ возраженія противъ абсолютнаго были бы, конечно, правильны, но такъ какъ никто не будетъ понимать развитіе такимъ образомъ, слѣдовательно, есть н ѣ ч т о единое, абсолютное, и если мы направимъ все наше вниманіе на отысканіе этого единаго,

то мы его найдемъ по отношенію ко всему. Мы признаемъ наличность развитія истины, признаемъ, что мы знаемъ не все, но смѣло утверждаемъ, что то, что мы знаемъ, мы хотимъ знать либо абсолютно, либо никакъ. Изъ того, что мы мало знаемъ, не слѣдуетъ то, что мы ничего не знаемъ, и если мы можемъ найти средство отличить правильное отъ неправильнаго, то мы должны свое утвержденіе относительно правильнаго признавать, какъ о б ъ е к т и в н о правильное, и тогда оно будетъ имѣть значеніе по отношенію къ основаніямъ науки.

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГІЯ.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ основному вопросу, на который должна дать отвѣтъ логика, къ вопросу о томъ, какое мышленіе мы должны считать правильнымъ, и чѣмъ это правильное мышленіе будетъ отличаться отъ неправильнаго. Согласно съ тѣмъ, что мы различали въ логикѣ двѣ части, и вопросъ о правильности и неправильности долженъ быть нами разсмотрѣнъ какъ бы въ двухъ совершенно различныхъ постановкахъ: съ одной стороны, логика, претендуя на то, чтобы имѣть въ себѣ часть, въ которой бы заключались основныя предпосылки всякаго логическаго разсужденія, должна дать опредѣленіе а б с о л ю т н о правильному; съ другой стороны, такъ какъ логика заключаетъ въ себѣ часть служебную, регистрирующую истины уже найденныя, часть, въ которой истины опредѣляются цѣлями, вопросъ о критеріи правильнаго, находится, очевидно, въ связи

съ вопросомъ о томъ въ какой степени постоянны и абсолютны тѣ цѣли, которыя мы поставили нашему знанію. Для того, чтобы дать критерій а б с о л ю т н о правильному, мы должны, конечно, прежде всего разсмотрѣть, ч т о является источникомъ истинности или неистинности вообще. Еще Аристотель, разсуждая о томъ, что является правильнымъ или неправильнымъ, указалъ: чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надо анализировать с у ж д е н і е. Современная логика полагаетъ совершенно такъ же, что источникомъ истинности или неистинности является сужденіе, такъ какъ въ немъ впервые высказывается то къ чему относится такая квалификація, какъ правильное или неправильное. Такъ, напр., Зигвартъ,[x] авторъ большого и цѣннаго труда по логикѣ, о мышленіи и въ частности о сужденіи въ мышленіи говоритъ слѣдующее: "Всякое мышленіе завершается въ сужденіяхъ, сужденіями завершается всякое практическое размышленіе о цѣляхъ и средствахъ, въ сужденіяхъ состоитъ всякое познаніе, сужденіями заканчивается всякое убѣжденіе Всѣ другія функціи имѣютъ значеніе лишь какъ условія и подготовленія къ сужденію". Если сужденію отводится столь доминирующая роль въ нашемъ мышленіи, то, естественно, сейчасъ же возникаетъ вопросъ, что такое само сужденіе, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ. На это намъ придется отвѣтить, что мы имѣемъ дѣло съ весьма сложнымъ процессомъ Въ самомъ дѣлѣ, въ сужденіи мы прежде всего различаемъ то, на что это

---

[x] Христофъ Зигвартъ: "Логика", пер. Давыдова, изд. 1908 г.

сужденіе направляется, т.е предметъ сужденія. затѣмъ, мы знаемъ, что сужденіе зависитъ еще оттого, кто это сужденіе высказываетъ. Въ чемъ же состоитъ истинность сужденія? Если въ томъ, ч т о мы высказываемъ, то откуда возникло самое сужденіе? если въ томъ, что мы его согласуемъ съ извѣстнымъ предметомъ, то что мы знаемъ о самомъ предметѣ? Повидимому, въ процессѣ сужденія, кромѣ предмета сужденія и высказывающаго субъекта, долженъ быть еще третій актъ, который бы удостовѣрялъ, что наше сужденіе согласуется съ предметомъ. По поводу каждаго изъ этихъ элементовъ сужденія возникаетъ цѣлый рядъ критическихъ вопросовъ, но мы остановимся прежде всего на тѣхъ вопросахъ, которые касаются сужденія въ цѣломъ, т.е. безъ разграниченія его на части, Какъ только говорятъ, что логика имѣетъ своей центральной задачей изученіе сужденій, логикамъ сейчасъ же возражаютъ, что они берутъ свой объектъ изъ психологіи, т.е. изъ такого матеріала, который представляетъ собой нѣчто неустойчивое, истинность котораго проблематична. Слѣдовательно, если логики претендуютъ на то, чтобы наше мышленіе было чистымъ, чтобы истины логики были безусловны, то они должны показать, к а к ъ психологическія сужденія, которыя мы постоянно высказываемъ, въ истинности которыхъ мы вовсе не безусловно убѣждены, вырастаютъ въ абсолютныя истины. Иначе говоря, возникаетъ вопросъ о томъ, какъ разграничить задачи логики и психологіи. На первый взглядъ, логика и психологія, дѣйствительно, имѣютъ одинъ

и тотъ же объектъ - сужденіе Правда, у психологіи есть еще задачи, помимо мышленія. но не тождественна ли логика и психологія въ познаніи? На это обыкновенно отвѣчаетъ, что разница между задачами логики и психологіи е с т ь , и что заключается она въ томъ, что логика изучаетъ "правильное мышленіе" Но вѣдь и психологія, занимаясь вопросами мышленія, наряду съ неправильнымъ, необходимо должна, конечно, изучать и правильное мышленіе, слѣдовательно, тѣ законы, которые устанавливаются въ логикѣ, могутъ быть точно такъ же законами психологическими. Противъ этого дальше возражаютъ, что въ самомъ характерѣ правильнаго мышленія есть особенность, которая позволяетъ выдѣлить его въ особый объектъ тогда какъ законы мышленія, какъ устанавливаетъ ихъ психологія, въ значительной степени носятъ характеръ механическій, область логики - область сужденія, есть по преимуществу область не механическаго, а п р о и з в о л ь н а г о процесса. Мы произвольно выбираемъ продукты для нашего сужденія, т.е. въ этотъ процессъ вмѣшивается наша воля, воля вообще подлежитъ нормамъ, слѣдовательно, логика есть наука нормативная. Но если, дѣйствительно, логическое мышленіе зависитъ въ концѣ концовъ отъ воли, то оно есть, конечно, не что иное, какъ процессъ психологическій Слѣдовательно, приведенное различіе не разграничиваетъ область психологіи и логики, а наоборотъ, еще тѣснѣе связываетъ ихъ, показывая, что между логикой и психологіей сходство не только въ томъ, что они изслѣдуютъ познаніе, но еще и въ

волевомъ процессѣ, какъ основаніи всей дѣятельности познанія. Мы не можемъ себѣ представить ни одного практическаго процесса, въ которомъ не участвовала бы наша воля. Такъ какъ логика понимается нами, съ одной стороны, какъ дисциплина практическая, то мы неизбѣжно должны признать, что воля, какъ основаніе логическаго процесса, должна такъ или иначе учитываться въ логикѣ. Сравнивая по этому поводу положеніе логики съ положеніемъ другихъ практическихъ дисциплинъ, какъ напримѣръ, технологіи, нѣкоторые философы говорятъ, что, какъ технологія есть практическая дисциплина, которая основывается на теоретическихъ дисциплинахъ, математикѣ, физикѣ и т.п., такъ и логика, какъ практическая наука, какъ искусство даже, основывается на психологіи. Такое взаимоотношеніе между логикой и психологіей устанавливаетъ, напр. Джонъ Стюартъ Милль, авторъ "Системы логики". "Логика, какъ наука", говоритъ Милль, "должна быть признана и не можетъ не быть частью психологіи, состоя въ научномъ анализѣ тѣхъ отправленій духа, къ правильному совершенію которыхъ она, какъ искусство, хочетъ доставить намъ средства. Объемъ логики, какъ науки, опредѣляется ея потребностями, какъ искусства; въ чемъ она не нуждается для п р а к т и ч е с к и х ъ цѣлей, то она предоставляетъ пространнѣйшей наукѣ, наукѣ о складѣ человѣческихъ потребностей". Слѣдовательно, по мнѣнію Милля, логика есть часть психологіи, такъ какъ въ ней намъ приходится имѣть дѣло съ продуктами психологической дѣятельности: всякое познаніе от-

носится къ области психологіи, всякое мышленіе есть точно также прежде всего психологическій процессъ. Таковы въ общихъ чертахъ аргументы такъ называемыхъ психологистовъ, т.е. представителей того направленія, которое считаетъ возможнымъ разрабатывать логику, какъ психологическую науку. Если бы мы стали на эту точку зрѣнія, то совершенно ясно, что намъ пришлось бы отказаться отъ мысли найти какое бы то ни было абсолютное знаніе: психологія, подобно физикѣ, химіи, біологическимъ наукамъ, есть наука о реальныхъ объектахъ. Вопросъ о реальности объектовъ научнаго знанія есть вопросъ философскій, вопросъ гносеологическій, т.е., во всякомъ случаѣ, вопросъ, который не можетъ быть рѣшенъ догматически, а требуетъ условнаго критическаго разрѣшенія. Если логика ставится въ положеніе психологіи, то и для нея обязательно гносеологическое изслѣдованіе ея объекта, и она точно такъ же должна почерпнуть изъ другихъ источниковъ свои предпосылки. Но логика именно этого не хочетъ, логика хочетъ имѣть истину, какъ абсолютную истину, которая не зависитъ отъ анализа какой-нибудь другой науки. Поэтому психологическое направленіе въ логикѣ встрѣчаетъ очень оживленную критику, и представители самыхъ разнообразныхъ направленій въ логикѣ сходятся въ одномъ, въ отрицаніи въ ней психологизма. Обычныя возраженія, которыя приводятся противъ психологизма въ логикѣ, сводятся къ слѣдующему: психологія стремится къ объясненію явленій, къ установленію естественныхъ законовъ психической дѣятельности; она разсма -

тривает факты, какъ они суть, разсматриваетъ происхожденіе и развитіе мышленія, тогда какъ логика не интересуется происхожденіемъ нашего познанія, она только спрашиваетъ, какую цѣнность имѣетъ это познаніе и какъ должно мыслить. Слѣдовательно, въ то время, какъ психологія спрашиваетъ о фактахъ, логика спрашиваетъ о правилахъ; психологія спрашиваетъ о бытіи, логика о долженствованіи, а отъ бытія къ долженствованію нѣтъ перехода. Однако, Липсъ, крупнѣйшій представитель въ области психологической логики въ настоящее время, очень удачно опровергаетъ приведенныя возраженія со стороны чистыхъ логиковъ. Онъ указываетъ, что объектъ логики, мышленіе какимъ оно д о л ж н о быть, мышленіе подчиняющееся нормамъ, закономѣрное мышленіе есть все-таки не что иное, какъ естественное мышленіе - въ томъ смыслѣ, что оно подчиняется естественнымъ законамъ, а если это такъ, задача логики и психологіи одна. По мнѣнію Липса, логика, въ концѣ концовъ, есть не что иное какъ физика мышленія, и, слѣдовательно, по аналогіи, должна пониматься, какъ естественно-научная дисциплина, т.е. въ результатѣ, какъ психологія. Правда, Липсу въ этомъ пунктѣ возражаютъ, что онъ смѣшиваетъ два понятія: законы естественно-научные и законы нормативные, и, чтобы рѣзче противопоставить свою мысль мысли Липса, заявляютъ, что логика должна быть не физикой, а этикой мышленія. На этомъ послѣднемъ направленіи, представителями котораго являются Виндельбандъ, Риккертъ и большинство такъ называемыхъ нео-кантіанцевъ, слѣ-

дуетъ подробнѣе остановиться, потому что оно играетъ теперь самую большую роль въ области логики. Логика, говорятъ они, должна быть этикой мышленія, т.е. наше мышленіе, даже въ самой отвлеченной области всегда находится подъ вліяніемъ нашего практическаго разума, подъ вліяніемъ, говоря психологически, нашей воли. Къ какому бы сужденію мы не стремились, если у насъ воли къ этому сужденію нѣтъ, сужденіе невозможно. Логика не есть психологическая наука, по мнѣнію представителей этого направленія, она есть наука нормативная, наука о долженствованіи, но только при одномъ условіи, что мы хотимъ знать. Желаніе знать - предпосылка, а затѣмъ все строится по совершенно апріорнымъ законамъ. Возьмемъ законъ причинности, съ помощью котораго мы дѣлаемъ умозаключенія, объясняемъ явленія природы и т.д. Какъ его можно доказать? Представители этого послѣдняго направленія въ сущности сводятъ свои разсужденія къ слѣдующему: законъ причинности есть предпосылка нашего знанія. Если вы хотите познавать дальнѣйшее, признайте законъ причинности. Если вы не признаете закона причинности, вы увидите, что никакое сужденіе невозможно, т.е., въ концѣ концовъ, они все-таки аппелируютъ къ волѣ. Виндельбандъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ о преимуществѣ своей точки зрѣнія передъ эмпирической. Эмпирики, не желая допустить никакихъ предпосылокъ, вводятъ цѣлый рядъ ихъ въ процессѣ самого доказательства, и вводятъ незаконно, потому что они не желаютъ этого. Лучше, говоритъ Виндель-

бандъ, заранѣе сознаться въ невозможности мыслить безъ предпосылокъ, допустить одну предпосылку, зато все дальнѣйшее будетъ строго связано на основаніи этой предпосылки. Однако, теченіе это, утверждая волю основой нашего мышленія, само совершенно не свободно отъ психологизма и, слѣдовательно, не можетъ служить достаточной опорой для чистой логики. Отмѣтимъ еще одно направленіе въ логикѣ, которое говоритъ, что мышленіе истинное то, которое наиболѣе практично /прагматизмъ/. Такимъ образомъ, мы видимъ, что большинство философскихъ направленій сходятся въ томъ, что мышленіе наше не автономно, а подчиняется чему то другому / волѣ, экономности/. Въ результатѣ одни, какъ, напр. психологисты, открыто признаютъ логику частью психологіи, другіе, являясь противниками психологистовъ, тѣмъ не менѣе по существу сходятся съ ними. Но если логика все-таки хочетъ быть наукой самостоятельной, то посмотримъ нѣтъ ли для нея другого пути. Чтобы выйти изъ этого вопроса, согласимся съ психологистами, сдѣлаемъ в с.ѣ возможные выводы изъ ихъ положеній, и посмотримъ пріемлимы ли эти выводы. Итакъ, согласимся, что психологія должна быть если не основаніемъ логики, то, во всякомъ случаѣ, той наукой, безъ которой понять логику нельзя. Но, слѣдуетъ ли отсюда, что психологія есть единственная наука, необходимая для логики? Конечно, нѣтъ. Если мы допустимъ одну предпосылку, мы можемъ допустить цѣлый рядъ ихъ. Мы можемъ предположить, что есть и другія науки, которыя точно такъ же, или

даже еще болѣе, необходимы для логики, чѣмъ психологія. Вступивъ въ сферу возможностей, мы можемъ предположить необходимымъ для логики и нѣчто совершенно с в о б о д н о е отъ психологизма, т.е. мы вернемся къ вопросу о чистой логикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поскольку намъ нужна воля для мышленія, постольку это относится къ той части логики, которая говоритъ о методахъ наукъ, о примѣненіи этихъ методовъ къ практической сторонѣ логики. Но эта необходимость воли, какъ предпосылка, можетъ совершенно не относиться къ чистой логикѣ. Слѣдовательно, вопросъ о возможности чистой логики, которая для нормативной логики также нужна, или можетъ быть, если мы проведемъ нашъ анализъ дальше, еще нужнѣе, чѣмъ психологія, остается въ полной силѣ. Такимъ образомъ, всѣ предыдущіе споры между психологистами и непсихологистами оказываются по существу совершенно скудными, потому что заранѣе доказываютъ меньше, чѣмъ нужно. Если бы психологисты взяли на себя задачу доказать, что психологія не только есть необходимая наука для логики, какъ основаніе ея, но и единственная, тогда споръ имѣлъ бы смыслъ, но до сихъ поръ никто изъ психологистовъ этого не доказывалъ, потому что доказывать это задача невозможная. Однако для тѣхъ, кто утверждаетъ, что возможна чистая логика, которая будетъ играть роль для логики нормативной, остается необходимымъ доказать возможность этой чистой логики и показать съ чѣмъ она будетъ оперировать. Здѣсь мы возвращаемся къ разсмотрѣнію элементовъ сужденія.

Если мы говоримъ о сужденіи, какъ о такомъ процессѣ, въ которомъ выражается истинность или ложность, мы должны различать въ немъ двѣ стороны: 1/ процессъ сужденія и 2/ содержаніе сужденія. Которая же изъ этихъ сторонъ важна для логики? Процессъ сужденія, т.е. актъ направляемости нашей мысли, есть безспорно явленіе психологическое, но логика и не спрашиваетъ объ этомъ процессѣ, для нея не интересны ни законы этого процесса, ни его зарожденіе и развитіе; для логики важно знать только содержаніе сужденія, т.е. истинно оно или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я бесѣдую съ кѣмъ нибудь по поводу какого-нибудь событія, мой собесѣдникъ заинтересованъ только содержаніемъ моихъ мыслей, а не тѣмъ процессомъ, который происходилъ въ моемъ сознаніи, когда эти мысли создавались. Когда я высказываю положеніе "всѣ тѣла падаютъ на землю", то совершенно очевидно, что содержаніе этого сужденія мы можемъ разсматривать независимо отъ того, получено ли мною это сужденіе путемъ опыта, умозаключеніемъ, или какимъ-нибудь еще другимъ процессомъ. Если бы мы взяли предметомъ вниманія актъ направляемости нашей мысли, мы имѣли бы основу психологическую, но когда мы отвлекаемся отъ акта, отвлекаемся отъ мыслящаго субъекта и говоримъ только о предметѣ, мы имѣемъ объектъ чисто логическій. Логика изучаетъ реальную связь и реальныя отношенія въ томъ смыслѣ, что они выражаютъ дѣйствительныя отношенія предметовъ. Итакъ, у логики есть свой особый самостоятельный объектъ, совершенно незави-

симый и не однородный съ объектомъ психологіи, - слѣдовательно существованіе чистой логики является необходимымъ.

ЛОГИКА И ТЕОРІЯ ПОЗНАНІЯ.

Въ вопросѣ объ истинномъ мышленіи, кромѣ логики, заинтересована еще и теорія познанія Въ логической литературѣ можно встрѣтить самыя разнообразныя мнѣнія о взаимоотношеніи этихъ двухъ наукъ говорятъ, что логика есть то же самое, что теорія познанія, что логика есть часть теоріи познанія, что теорія познанія, наконецъ, есть часть логики. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, надо прежде всего, конечно, разсмотрѣть вопросъ о томъ, что такое теорія познанія. На этотъ вопросъ всего лучше отвѣчаетъ историческій фактъ, который приводится въ книгѣ, положившей начало обсужденію гносеологическихъ вопросовъ, въ "Опытѣ о человѣческомъ разумѣ" Локка. Въ предисловіи къ своей книгѣ, въ "Письмѣ къ читателямъ" Локкъ разсказываетъ слѣдующее: время отъ времени у него собирались его друзья для обсужденія различныхъ философскихъ вопросовъ. По большей части, это были, конечно, вопросы метафизики, - о душѣ, о Богѣ, о матеріи, объ отношеніи духа къ матеріи и т.д. Споры ихъ были очень оживленные, но по большей части, ни къ чему не приводившіе. "Нѣкоторое время мы пробыли въ смущеніи", говоритъ Локкъ, "ни на шагъ не приблизившись къ разрѣшенію смутившихъ насъ сомнѣній". Тогда у Локка явился вопросъ, который онъ сейчасъ же задалъ своимъ

друзьямъ, не являются ли безплодными всѣ эти споры о метафизическихъ предметахъ до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, что мы можемъ и чего мы не можемъ познать, не знаемъ границъ нашего разума: вѣдь возможно, что мы говоримъ о вещахъ, лежащихъ за предѣлами нашего знанія. "Но потомъ мнѣ пришло на умъ", говоритъ Локкъ, "что мы попали на ложный путь и что прежде, чѣмъ предаться такого рода изслѣдованіямъ, необходимо было изучить свои собственныя способности и увидать, какіе предметы нашъ разумъ способенъ или не способенъ постигнуть". Мысль эта заинтересовала друзей Локка, и они предложили Локку самому выполнить эту задачу. Въ отвѣтъ на эту просьбу Локкъ и написалъ свой "Опытъ о человѣческомъ разумѣ", книгу, являющуюся собственно зарожденіемъ теоріи о познаніи Философы, занимавшіеся вопросами логики, заинтересовались вопросомъ, поставленнымъ Локкомъ, и также занялись его разсмотрѣніемъ. Юмъ нѣсколько образно, но совершенно такъ же, какъ и Локкъ, опредѣляетъ эту проблему. Моя задача, говоритъ онъ, изслѣдовать человѣческій разумъ съ точки зрѣнія его границъ. Если бы намъ это удалось, тогда масса вопросовъ, которые мучили человѣчество, были бы отброшены, какъ безнадежные. Какіе бы вопросы ни были, но самъ я не имѣлъ бы нужды ихъ дознаваться, такъ какъ этотъ вопросъ лежитъ за предѣлами нашей способности познанія, и нѣтъ надобности на немъ останавливаться, когда есть много другихъ существенныхъ вопросовъ. И Юмъ постарался рѣшить этотъ вопросъ по отношенію къ про-

немъ причинности проблемѣ самой существенной въ нашемъ познаніи, потому, что, въ концѣ концовъ, мы всѣ объясненія ищемъ въ причинности, въ причинахъ явленія. Предполагаютъ ли эти причины какую либо сущность, скрывающуюся за явленіемъ, можно ли познать эту сущность? Юмъ отвѣчаетъ на это такимъ образомъ, что понятіе причинной связи опирается на чувство, а не на внутреннее пониманіе. Изъ п р и в ы ч к и видѣть два явленія связанными другъ съ другомъ рождается психическое принужденіе думать при воспріятіи одного о другомъ. Поэтому идея причинности имѣетъ чисто субъективное значеніе, а не то объективное, какое приписывается ей. Полное опредѣленіе задачи теоріи познанія было сдѣлано только Кантомъ, у котораго тѣмъ не менѣе вопросъ сохраняетъ то же значеніе,- т.е. остается вопросомъ о границахъ нашего познанія. Свою задачу Кантъ формулируетъ такъ: всякое наше познаніе, говоритъ онъ, начинается съ опыта, но не все оно возникаетъ и з ъ опыта, такъ какъ въ нашемъ познаніи есть нѣкоторые элементы, которые суть апріорны. Поскольку мы будемъ говорить объ апріорномъ, объ условіяхъ познанія, постольку мы будемъ говорить объ обязательности познанія. Но здѣсь сейчасъ же возникаетъ вопросъ, какъ далеко простирается наше сужденіе, или къ чему приложимы тѣ формы, которыя мы назовемъ обязательными Кантъ говоритъ: существуетъ математика, существуетъ естествознаніе - это несомнѣнно, но вотъ к а к ъ возможна математика, к а к ъ возможно естествознаніе, это вопросъ существенный, потому что отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы покажемъ, какъ выражается нашъ разумъ въ его дѣйствіяхъ. Кантъ полагаетъ, что

отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы сейчасъ же зададимъ и слѣдующій, какъ возможна метафизика, какъ естественное влеченіе, или вѣрнѣе, спросимъ себя, возможна ли она вообще. Если мы спрашиваемъ о возможности чего бы то ни было, то мы у ж е говоримъ о границахъ разума, слѣдовательно, теорія познанія въ этомъ смыслѣ и сейчасъ остается дисциплиной, изучающей дѣятельность нашего разума.

По отношенію къ метафизикѣ теорія познанія, такимъ образомъ, занимаетъ опредѣленное мѣсто: она является, по собственному выраженію Канта, пропедевтикой въ нее. Теорія познанія должна предварительно разрѣшить свои вопросы для того, чтобы потомъ можно было заниматься метафизикой. Но въ какомъ отношеніи теорія познанія находится къ логикѣ? Теорія познанія изучаетъ разумъ, мышленіе, въ широкомъ смыслѣ слова; логика тоже изучаетъ разумъ. Въ этомъ логика и теорія познанія несомнѣнно сходятся, но тутъ сходство и кончается, потому что самый разумъ изучается въ этихъ двухъ дисциплинахъ съ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія. Теорія познанія спрашиваетъ о границахъ нашего познанія въ смыслѣ того, какъ много я могу познать, гдѣ поставлены границы моему разуму, что такое мой разумъ, слѣдовательно, что такое я познающій. Рѣчь идетъ, такимъ образомъ, прежде всего и исключительно о познающемъ субъектѣ. Что же касается логики, то выше мы говорили уже о томъ, что логика тѣмъ и отличается отъ другихъ наукъ, что она совершенно отвлекается отъ субъекта. Логика, слѣдовательно, отвлекается отъ того, что изучается теоріей познанія, а теорія познанія изучаетъ то, отъ

чего отвлекается логика. Отсюда ясно, что между ними нѣтъ ничего общаго, и что если признать, что логика есть часть теоріи познанія, то смыслъ логики прекращается, логики нѣтъ и не должно быть, тогда остается только теорія познанія. Тѣмъ не менѣе такая мысль часто высказывалась и основывалась она на положеніяхъ философскаго идеализма.

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о томъ, какое значеніе можетъ имѣть для логики принятіе нами той или другой философской точки зрѣнія, т.е. идеализма, или реализма. Такъ какъ на каждомъ изъ этихъ двухъ направленій основывается совершенно особое философское міровоззрѣніе, то ясно, что они имѣютъ большое значеніе и для логики. Точки зрѣнія эти слѣдующія. Я могу понимать весь міръ, какъ продуктъ моего разума, и тогда все мое познаніе сосредоточится въ сферѣ этого идеальнаго. Разумъ мой самъ будетъ творить въ этой области законы, разумъ мой, такимъ образомъ, предписываетъ законы природѣ. Я могу знать только то, что находится въ моемъ разумѣ: съ этой точки зрѣнія я не могу сказать, что міръ вещей, міръ реальный не существуетъ, я долженъ сказать, что я ничего не знаю о немъ. Точка зрѣнія реализма такова: моему знанію всегда соотвѣтствуютъ реальныя отношенія. Отношенія вещей я могу познавать только потому, что въ самихъ вещахъ находится нѣчто необходимое, ихъ связывающее. Мои знанія, въ концѣ концовъ, есть не что иное, какъ отраженіе дѣйствительныхъ отношеній. Лейбницъ, напримѣръ, сравнивалъ нашу познающую дѣятельность съ зеркаломъ, говоря, что міръ отражается въ нашемъ разумѣ, какъ въ зеркалѣ. Точка зрѣнія реализма

была, преимущественно, точкой зрѣнія докантовской философіи, она была отвергнута Кантомъ и всѣми современными ему философами, признавшими точку зрѣнія метафизическую. Исслѣдняя хотя имѣла своихъ представителей и въ 18 вѣкѣ, но въ совершенно чистомъ видѣ она была представлена только кантіанствомъ, а такъ какъ въ 19 вѣкѣ почти всѣ философскія теченія испытывали вліяніе Канта, то всѣ они и стоятъ на этой точкѣ зрѣнія идеализма. Если мы обратимся къ среднимъ вѣкамъ, то мы найдемъ тамъ два философскихъ направленія: номиналистическое, которое утверждало, что наши общія понятія о вещахъ суть только слова, для которыхъ реальныхъ объектовъ нѣтъ, и реалистическое, которое признавало, что нашимъ общимъ понятіямъ соотвѣтствуетъ нѣчто въ самихъ предметахъ. Въ современной философіи идеалистическая точка зрѣнія именно и связана съ номинализмомъ, а реалистическая съ реализмомъ. Точка зрѣнія философскаго идеализма очень рѣзко идетъ противъ нашего обычнаго наивно-реалистическаго представленія. Если бы человѣку, совершенно незнакомому съ философіей, сказали, что все есть творчество нашего разума, онъ бы спросилъ: „если я создалъ все, что здѣсь находится, такъ почему же на мѣсто этого я не могу создать другого," или (самый первый вопросъ, который предлагается сторонникамъ этого направленія) „если я все создалъ, почему же я не могу присутствующихъ превратить въ сторонниковъ моихъ? Если бы все это было продуктомъ моего творчества, то не трудно было бы это сдѣлать". Въ защиту своей точки зрѣнія сторонники идеализма тогда говорятъ: „попробуйте что нибудь помыслить, чего бы не было уже въ вашемъ

сознаніи". Доказательство это, можетъ быть, и вѣрно, но слѣдуетъ ли отсюда, что все есть только продуктъ моего сознанія. Здѣсь возникаетъ, конечно, вопросъ, что же это за сознаніе: обычное ли наше психологическое сознаніе, или божественное сознаніе или сознаніе вообще. При отвѣтѣ на этотъ вопросъ возникаетъ уже масса самыхъ неожиданныхъ вопросовъ и, слѣдовательно, самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ. Однако, даже и не наивному реалисту должно показаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, что все есть творчество моего разума и съ этой системой, конечно, очень трудно примириться. Имѣя въ виду свою опредѣленную задачу, мы можемъ обойти рѣшеніе этихъ вопросовъ и подойти только къ логическому значенію тѣхъ выводовъ, которые мы можемъ получить изъ реализма и идеализма. Если правильно, что все есть только въ моемъ сознаніи, что все создано мною, то, очевидно, всѣ науки сбращаются въ тесрію познанія, т.е. науки, какъ таковыя, совершенно уничтожаются. Въ самомъ дѣлѣ, науки не могутъ существовать безъ допущенія реальнаго міра, наука ни къ какой иной задачѣ не можетъ стремиться, какъ только къ познанію реальнаго міра, реальныхъ отношеній, иначе наука, какъ средство достиженія истины, не имѣла бы никакой цѣны. Разъ невозможна наука, конечно, невозможна и логика, такъ какъ она есть наука о наукахъ. Кромѣ того, если все находится въ моемъ сознаніи, то что же тогда является о б ъ е к т и в н ы м ъ. Конечно, опредѣленіе объективному дается, но оно будетъ все-таки находиться въ моемъ сознаніи, а логика требуетъ, чтобы я отъ этого сознанія отвлекся. Значитъ, допустивъ идеалистическую точку зрѣнія, мы

опять таки должны придти къ выводу, что логика невозможна. Если мы прослѣдимъ исторію философіи 19 вѣка, то увидимъ, что всѣ разъ, когда философія приближалась къ этой точкѣ зрѣнія и провозглашала творчество нашего разума и только его дѣятельность, тогда вся философія превращалась въ субъективную, и дѣйствительно, становилась теоріей познанія. Для такихъ философовъ, какъ Фихте, Гегель, и нѣкоторыхъ представителей кантіанства, для нихъ нѣтъ ничего, кромѣ теоріи познанія, и логика для нихъ будетъ частью теоріи познанія, но для того, кто ставитъ своей задачей познать объективное, познать предметы, кто заявляетъ, что нельзя говорить о познаніи, если оно ни на что не направлено, для тѣхъ логика, какъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, останется навсегда. Такимъ образомъ, отношеніе между логикой и теоріей познанія не есть отношеніе подчиненности или координаціи, а есть отношеніе противоположности.

Я коснусь еще одного вопроса, чтобы сдѣлать окончательно убѣдительнымъ мое мнѣніе. Если теорія познанія изучаетъ границы нашего разума, если все вниманіе направлено на нашъ разумъ, то она, прежде всего, должна разрѣшить вопросъ объ отношеніи нашего сознанія къ бытію вообще. Это есть знаніе, но знаніе непосредственное, тогда какъ логическое знаніе, какъ бы ни воспринимались, какъ бы ни высказывались сужденія, есть всегда знаніе опосредствованное. Если въ логикѣ и идетъ рѣчь о такихъ вещахъ, какъ неизвѣстныя истины, то логика разсмотритъ ихъ не съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности, или ихъ положенія въ наукѣ, а совершенно объективно, а вопросъ о достовѣрности ихъ будетъ разсматри-

вать теорія познанія. Итакъ, если теорія познанія какъ будто и соприкасается съ логикой въ вопросѣ объ истинности или неистинности, то разсмотрѣніе этого вопроса обѣими науками совершенно разное, и нельзя ни одной проблемы логической разрѣшить съ точки зрѣнія теоріи познанія. Сужденія, которыя изучаетъ логика, суть истины, опосредствованныя, и въ этомъ смыслѣ логика уже является наукой о выводахъ по преимуществу. Здѣсь возникаетъ вопросъ о характерѣ этихъ выводовъ. Они должны заключать въ себѣ истины, но открываютъ ли эти опосредствованныя сужденія новыя истины, т.е. служитъ ли логика для открытія истины или нѣтъ. Въ 17-18 вѣкахъ на логику смотрѣли, какъ на науку, которая должна дать правила объ открытіи истинъ, называли логику искусствомъ изобрѣтенія (ars inveniendi). Если мы возьмемъ, однако, любой примѣръ изъ исторіи наукъ, какъ открывалъ свою теорему Пиѳагоръ, какъ пришелъ къ своему закону Галилей, какъ Ньютонъ открылъ знаменитый законъ тяготѣнія, мы увидимъ, что логика здѣсь не играла никакой роли. Все это были психологическіе процессы, случайныя ассоціаціи. Можно сказать даже больше, что логика, наоборотъ, устанавливаетъ правила, какъ мыслить, чтобы избѣжать такихъ случайностей. Значеніе логики отъ этого, однако, не уменьшается, такъ какъ она и не претендуетъ на открытіе истины, а только на доказательное ихъ изложеніе. Если мы вспомнимъ, что логика есть и регистрирующая наука, то мы можемъ сказать, что она есть искусство связывать истины, т.е., иначе говоря, наука объ изложеніи. Изложеніе сужденій (само собою разумѣется, не грамматическое, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ

не о словахъ, а о мысляхъ) въ научномъ порядкѣ мышленія и есть, собственно, прямая задача логики. Наука предписываетъ свои правила изложенія, которыя требуютъ, чтобы мы излагали свои мысли такъ, чтобы онѣ дѣлались убѣдительными, обязательными для всѣхъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ логиковъ 19 вѣка такъ и писалъ, что логика есть наука о томъ, какъ правильно писать учебники. Опредѣленіе это, конечно, очень рѣзко, но аналогично по существу съ нашимъ опредѣленіемъ. Такимъ образомъ, всѣ опредѣленія, которыя мы давали логикѣ до сихъ поръ, сливаются въ этомъ опредѣленіи ея, какъ науки о правильномъ изложеніи, такъ какъ изложить это значитъ имѣть методъ, имѣть сужденіе и выводъ, изложить - значитъ дать правильное мышленіе, изложить - значитъ опосредствовать нашу истину. Но основныя части, которыя мы выдѣляемъ теперь въ логикѣ, остаются, конечно, тѣ же, которыя мы разсматривали и раньше, называя логику наукой о мышленіи: прежде всего общее ученіе о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагается наше объективное познаніе, т.е. часть, которую мы можемъ назвать ученіемъ о предметахъ вообще, и другая часть, которую мы назовемъ ученіемъ о путяхъ или методахъ. Первая часть претендуетъ на то, чтобы установить такія сужденія, которыя были бы всеобщи въ такой же степени, въ какой достовѣрны математическія знанія. Впрочемъ тутъ есть, конечно, маленькое искаженіе. Математическія знанія и обладаютъ такой достовѣрностью, потому что имѣютъ собственно логическое построеніе! Я сейчасъ привелъ это положеніе, чтобы показать только какой характеръ должна носить эта часть логики: она должна быть такой же объективной, аб-

страктной, какъ математика. Вторая часть носитъ совершенно прикладной характеръ. Разсматривая содержаніе логики мы все время будемъ понимать ее, какъ науку объ изложеніи, и если будемъ говорить о мышленіи, то совершенно въ такомъ же смыслѣ, какъ мы, зная, что земля врашается вокругъ солнца, говоримъ, что „солнце восходитъ и заходитъ".

УЧЕНІЕ ОБЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ ЛОГИКИ.

ПОНЯТІЯ И ИХЪ КЛАССИФИКАЦІЯ

Перейдемъ теперь отъ общихъ опредѣленій къ изложенію самого содержанія логики, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ, когда мы познакомимся съ методами различныхъ наукъ, вернуться къ большему справданію этихъ общихъ положеній. Какое бы мы не взяли изъ приведенныхъ выше опредѣленій логики, будь это „наука о правильномъ мышленіи" „наука о наукахъ" наконецъ, „наука объ изложеніи", мы должны признать, что источникомъ истинности, о которой мы больше всего заботимся, является сужденіе. Поэтому естественно, что переходя къ содержанію логики, какъ науки, мы обращаемъ прежде всего вниманіе на сужденіе. Всякое содержаніе науки есть не что иное, какъ рядъ сужденій. Если мы посмотримъ, какую роль играетъ сужденіе въ области науки, то мы должны будемъ признать, что сужденіе не есть конечная цѣль науки, а только средство ея, въ конечномъ счетѣ для достиженія той же истины, путемъ образованія такъ называемыхъ научныхъ понятій: поэтому можно сказать иначе, что наука есть не что иное, какъ система по-

нятій. Идеальной наукой,можетъ быть, была бы такая, которая свела бы всѣ свои понятія къ одному, или къ минимальному количеству понятій, но пока этого нѣтъ, мы должны утверждать, что наука есть система понятій. Старая логика разсматриваетъ понятія, какъ элементы сужденія, но такъ какъ понятія образуются посредствомъ сужденій, то ясно, что они являются не элементомъ, а результатомъ сужденія. Понятія устанавливаются съ помощью сужденій, но съ другой стороны и самыя сужденія,безспорно, имѣютъ различную цѣнность для познанія. Мы должны различать въ логикѣ двоякаго рода сужденія: сужденія, въ которыхъ мы непосредственно устанавливаемъ отношеніе объекта,- непосредственныя, или непосредственно-очевидныя сужденія, и сужденія опосредствованныя или выводы. Сужденія перваго рода являются всегда спорнымъ пунктомъ въ области науки, тогда какъ сужденія, которыя получаются путемъ умозаключенія, путемъ вывода и составляютъ главнымъ образомъ матеріалъ науки. Задача науки заключается въ томъ, чтобы путемъ умозаключенія установить свои понятія; задача логики, слѣдовательно - показать, какъ можетъ умозаключеніе способствовать этому установленію и какъ можетъ оно давать дѣйствительное знаніе. Кромѣ того, такъ какъ мы можемъ сказать, что задача науки заключается въ томъ, чтобы методически изложить свое содержаніе, то логика должна изучить и методы наукъ. Такимъ образомъ, содержаніе логики само по себѣ дѣлится на двѣ части: 1) ученіе объ элементахъ и 2) ученіе о методахъ. Ученіе объ элементахъ состоитъ въ свою очередь изъ трехъ частей: ученія о понятіи, о сужденіи и объ умозаключеніи.

Ученіе о методѣ также можно раздѣлить на двѣ части: 1) общую методологію и 2) спеціальную, такъ какъ мы можемъ говорить о методѣ всѣхъ наукъ вообще, допуская, что есть общій путь для всѣхъ наукъ, и можемъ говорить о методѣ каждой науки отдѣльно. Центръ нашего вниманія, конечно, долженъ быть перенесенъ на вторую часть логики,- ученіе о методѣ, однако, намъ придется остановиться и на ученіи объ элементахъ, такъ какъ это есть логическая азбука, безъ которой ученіе о методахъ невозможно усвоить. Собственно говоря, какъ съ научной, такъ и съ педагогической точки зрѣнія совершенно безразлично, начинать ли изложеніе въ области ученія объ элементахъ съ сужденій, умозаключеній или понятій. Но мы начнемъ сейчасъ съ ученія о понятіяхъ, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ традиціонной логикѣ, которая всегда начинала съ этого вопроса. Прежде всего возникаетъ, конечно, вопросъ о томъ, что такое понятіе или вѣрнѣе, въ какомъ смыслѣ логика употребляетъ этотъ терминъ, терминъ - - не психологическій и не взятый изъ обыденной жизни. Такъ какъ логика есть наука формальная, наука объ отношеніяхъ объективныхъ,то нужно дать такое опредѣленіе,въ которомъ было бы выражено только формальное отношеніе.Такъ какъ всякое мышленіе совершается въ сужденіи, а сужденіе выражается въ предложеніи, то и при опредѣленіи понятія лучше всего исходить изъ анализа сужденія, или даже анализа предложенія. Здѣсь мы какъ будто переходимъ въ область грамматики, и дѣйствительно, логиковъ упрекали въ томъ, что они слишкомъ злоупотребляютъ грамматическимъ анализомъ. Въ концѣ 19 вѣка одинъ изъ логиковъ даже вос

кликнулъ: „ логика, берегись грамматики". Какъ бы ни были справедливы эти упреки, но фактически мы все-таки должны исходить изъ анализа предложеній. Въ нашемъ сознаніи находятся отрывки мыслей, проносится цѣлый рядъ мыслей, мы не успѣваемъ связать ихъ въ сужденія, и тѣмъ не менѣе онѣ психологически являются сужденіями. Но поскольку рѣчь идетъ о н а у ч н о м ъ сужденіи, общія наши сужденія, какъ психологическій процессъ, не составляютъ его содержанія. Нужно, чтобы это сужденіе какъ нибудь объективировалось, а наша мысль объективируется только въ предложеніи. Процессъ объективированія мысли есть чрезвычайно важный психологическій процессъ потому, что онъ превращаетъ всякое психологическое явленіе въ соціальное явленіе, а для логики этотъ процессъ существенно важенъ по той причинѣ, что даетъ возможность психологически объяснить общеобязательность нашихъ сужденій, понятій и умозаключеній. Правда, мы въ обычной жизни можемъ еще иначе объективировать сужденіе, прибѣгая для выраженія своей мысли къ помощи жестовъ. Но сужденія, объективированныя посредствомъ жестовъ, въ области науки, конечно, невозможны, слѣдовательно, при анализѣ понятій, мы должны исходить только изъ предложенія. Предложеніе, какъ выраженіе сужденія, есть не что иное, какъ выраженіе связи между двумя объектами, при чемъ эта связь можетъ быть либо сходствомъ, либо различіемъ объектовъ; говоря болѣе обще, это есть отношеніе объектовъ. Тотъ объектъ, о которомъ мы что либо утверждаемъ или отрицаемъ мы называемъ субъектомъ, а то, что мы утверждаемъ или отрицаемъ относительно субъекта, называется предикатомъ; для выраженія ихъ связи мы прибѣ-

раемъ къ внѣшней формѣ, которая носитъ названіе связки (copula). Такимъ образомъ, общая форма сужденія будетъ слѣдующая: S есть P, S не есть P. Мы не знаемъ есть ли между объектами этого сужденія какая нибудь связь, объективная, реальная или психологическая, для насъ важно имѣть установленную между ними логическую связь. Исходя изъ этого опредѣленія сужденія, можно сказать, что понятіе есть все то, что можетъ служить либо субъектомъ, либо предикатомъ. Совершенно очевидно, что при такомъ опредѣленіи понятія, въ немъ совершенно не остается мѣста для психологіи, такъ какъ мы даже не знаемъ, что будетъ субъектомъ - отдѣльные ли предметы, цѣлое сочетаніе словъ, цѣлая наука. Конечно, данное нами опредѣленіе понятія слишкомъ обще, и мы должны дать поэтому другое опредѣленіе, столь же объективное, но болѣе содержательное. Мы можемъ сказать, что всякій объектъ сужденія, прежде всего является объектомъ мысли. Слѣдовательно, всякій предметъ мысли можетъ быть либо субъектомъ, либо предикатомъ, поэтому всякій предметъ мысли можетъ быть понятіемъ. Необходимымъ условіемъ при этомъ является только то, чтобы этотъ объектъ былъ выраженъ въ словахъ. Поэтому можно сказать, что понятіемъ мы можемъ назвать все то, что выражается въ формѣ слова или совокупности словъ.

При изученіи понятія возникаютъ два существенныхъ вопроса: прежде всего, для насъ въ логикѣ важно опредѣлить, при какихъ условіяхъ понятіе становится цѣннымъ съ логической и научной точки зрѣнія, т.е. что превращаетъ наше обычное понятіе, которымъ мы выражаемъ наши мысли въ научное понятіе? Въ логикѣ гово-

рятъ, что для насъ имѣютъ цѣнность тѣ понятія, которыя опредѣленны и постоянны, и что постоянство и опредѣленность - тѣ цѣли, которыя мы должны осуществить въ обработкѣ нашихъ понятій. Но такъ какъ естественно, что къ различнымъ понятіямъ можно предъявлять различныя требованія, слѣдовательно здѣсь будетъ умѣстно поставить и другой вопросъ: такъ какъ бываютъ различныя понятія, то нельзя ли к л а с с и ф и ц и р о в а т ь важнѣйшіе типы понятій. Тогда и изученіе понятій, конечно, облечется въ болѣе легкую форму. Итакъ съ одной стороны, выясненіе способа, съ помощью котораго понятія пріобрѣтаютъ научную точность и опредѣленность, съ другой, классификація понятій - вотъ наши задачи при изученіи понятій. Вполнѣ очевидно, что первый вопросъ зависитъ отъ второго, такъ какъ возможно, что мы будемъ предъявлять различныя научныя требованія къ различнымъ типамъ понятій. Поэтому слѣдуетъ начинать съ классификаціи понятій.

Есть одно раздѣленіе понятій, на которое слѣдуетъ обратить особенное вниманіе по причинѣ его принципіальной важности для всѣхъ наукъ. Это то дѣленіе, по которому мы различаемъ понятія общія и единичныя или индивидуальныя. Формально различіе между этими двумя группами понятій выражается такъ: общими понятіями называются такія, которыя приложимы къ цѣлому ряду объектовъ, а единичными - которыя приложимы только къ одному объекту. Раздѣленіе это на первый взглядъ совершенно ясно и едва ли нуждается въ разсмотрѣніи. Но если мы обратимся къ фактическому содержанію науки, мы наталкиваемся по этому поводу на массу интересныхъ вопросовъ. Прежде всего мы увидимъ, что само понятіе о б щ а г о

совершенно неопредѣленно. Мы можемъ условиться называть общимъ то понятіе, которое относится ко всѣмъ объектамъ даннаго класса. Напримѣръ, когда я говорю „человѣкъ", какъ общее понятіе, то я долженъ разумѣть всѣхъ людей. Единичное понятіе будетъ то, которое относится къ одному объекту. Но вѣдь очень часто мы высказываемъ понятіе, относящееся къ нѣсколькимъ объектамъ. Можно, конечно, сказать, что въ такомъ случаѣ мы получаемъ частное понятіе. Такъ обр. наше дѣленіе изъ двухъ-членнаго становится трехъ-членнымъ, и мы различаемъ понятія: 1) общія, 2) частныя и 3) единичныя или индивидуальныя. До конца 19-го вѣка философы были убѣждены, что вся цѣль логики сводится къ образованію общихъ понятій, и что индивидуальныя понятія для науки не имѣютъ цѣнности. Въ 18 вѣкѣ мечтали о томъ, чтобы найти такую общую формулу, съ точки зрѣнія которой можно было бы объяснить всѣ явленія міра. Но для того, чтобы стремиться къ этому идеалу, нужно игнорировать единичные и устанавливать только общіе признаки. Въ концѣ 19-го вѣка однако взглядъ на значеніе общихъ понятій сильно измѣнился. Тогда обратили вниманіе на то, что 18-й вѣкъ, столь подчеркивающій значеніе общаго, былъ вѣкъ, какъ выразился одинъ философъ, „одноглазый", подсмотрѣвшій въ наукѣ только общее. 18-й вѣкъ былъ вѣкомъ естествознанія, но не былъ вѣкомъ исторіи, вотъ какова въ настоящее время общая философская характеристика 18-го вѣка. 19-й вѣкъ внесъ историческое изученіе не только въ соціальную жизнь, но и въ естественныя науки, и историко-генетическій методъ находитъ себѣ теперь примѣненіе во всѣхъ наукахъ. Если мы обра-

тимся къ выясненію сущности историческаго метода, то мы замѣтимъ, что для насъ должны имѣть цѣнность не только общія понятія, но и единичныя, потому что какъ выяснили нѣкоторые философы, единичныя понятія суть тѣ понятія, которыми оперируетъ исторія. Если стоять, слѣдовательно, на прежней точкѣ зрѣнія исключительной цѣнности общихъ понятій, то мы должны отбросить всю исторію какъ науку, что явится, конечно, догматизмомъ и ясной логической ошибкой. Но если для насъ, такимъ образомъ, важны и общія и единичныя понятія, то вопросъ объ образованіи понятій еще болѣе усложняется. Когда мы сравниваемъ понятія (единичныя, частныя, общія) процессъ сравненія состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ установленіи либо сходства либо различія. Все то, что можетъ служить намъ указаніемъ на сходство или различіе, условимся называть признаками понятія. Когда рѣчь идетъ объ образованіи понятій, то это значитъ что рѣчь идетъ собственно о накопленіи признаковъ. Если образованіе общихъ понятій заключается въ томъ, что мы накопляемъ общіе признаки, то какъ же образуются единичныя понятія. Выясненіе особой природы индивидуальныхъ понятій и составляетъ великую заслугу Виндельбандта и Риккерта. Риккертъ разсуждаетъ такъ: все что мы знаемъ есть познаніе, выражаемое въ сужденіи, цѣль сужденія есть образованіе понятій, понятія же образуются нѣкоторымъ искусственнымъ преодолѣніемъ многообразія даннаго намъ, причемъ это многообразіе мы можемъ разсматривать либо въ ширину, гдѣ намъ дано безконечное количество предметовъ, либо въ глубину, гдѣ намъ можетъ быть данъ одинъ предметъ, но съ безконечнымъ

количествомъ признаковъ. Въ образованіи понятій мы можемъ итти въ обоихъ направленіяхъ, въ ширину и глубину: чѣмъ больше признаковъ укажемъ мы для даннаго понятія, тѣмъ болѣе оно будетъ выдѣляться изъ группы другихъ, тѣмъ болѣе оно будетъ становиться индивидуальнымъ, чѣмъ больше объектовъ подведено подъ понятіе, тѣмъ болѣе общее понятіе получается. Какъ бы ни принимать эту теорію Риккерта, она всегда останется цѣнной, такъ какъ она обратила вниманіе на накопленіе признаковъ. Но есть нѣкоторыя соображенія, которыя можно противопоставить этой теоріи, и которыя еще болѣе осложняютъ задачу изученія логическихъ понятій. Конечно, логически совершенно вѣрно, что мы можемъ образовать и общія понятія и единичныя, причемъ понятія частныя будутъ болѣе или менѣе приближаться къ тѣмъ или другимъ. Однако здѣсь можетъ явиться совершенно неожиданный вопросъ: дѣйствительно ли индивидуальныя понятія суть единичныя понятія или въ самомъ индивидуальномъ понятіи точно такъ же заключается общее? Этотъ вопросъ на первый взглядъ можетъ показаться очень страннымъ, но онъ имѣетъ за собой серьезную основу, которую мы выяснимъ сейчасъ изъ примѣровъ. Мы видѣли, что единичныя понятія понадобились Риккерту для того, чтобы спасти исторію, какъ науку. Допустимъ, что Риккертъ правъ утверждая что исторія имѣетъ дѣло съ индивидуальными понятіями, но значитъ ли это, что у нея не можетъ быть общихъ понятій. Въ дѣйствительности, когда мы произносимъ такіе, казалось бы, индивидуальные термины, какъ просвѣщенный абсолютизмъ, боярская дума, Юлій Цезарь, то мы тѣмъ не менѣе беремъ эти

термины въ общемъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ боярской думой я могу разумѣть боярскую думу конца 16-го вѣка, первой половины 17-го, второй половины 17-го вѣка и т.д. Когда я произношу Юлій Цезарь, я могу представлять себѣ Цезаря періода Галльской войны, или эпохи тріумвирата, или временъ диктатуры. Слѣдовательно, въ обоихъ примѣрахъ наше индивидуальное понятіе относится къ цѣлому ряду объектовъ, слѣдовательно оно будетъ понятіемъ общимъ. Все дѣло въ томъ, что предметы намъ даны не только какъ сосуществующіе, но и какъ п о с л ѣ д о в а т е л ь н о существующіе. Риккертъ и прежніе логики обращали вниманіе только на сосуществующія понятія. Когда они говорятъ, что общія понятія относятся къ множеству вещей, они полагаютъ, что это множество есть одновременно существующее. Поэтому, прежняя логика и была исключительно логикой естествознанія, которая изучала множество понятій, сосуществующихъ въ пространствѣ. Риккертъ вноситъ поправку, но допускаетъ ту же ошибку, думая, что множественность есть только сосуществованіе. Между тѣмъ, стоитъ мнѣ только представить боярскую думу на протяженіи двухъ столѣтій и раздѣлить этотъ моментъ на десятилѣтія, тогда въ каждомъ столѣтіи я получаю по десяти объектовъ, а раздѣливъ этотъ періодъ еще мельче, я получу еще больше объектовъ. Это тоже множественность, но множественность во времени, и въ такомъ случаѣ индивидуальное понятіе становится общимъ. А если это такъ, то мы, конечно, ни коимъ образомъ не можемъ противополагать общимъ понятіямъ индивидуальныя, а должны противопоставлять нѣчто иное, что дано было бы

только одинъ разъ, въ одномъ пространствѣ, въ опредѣленное время. Это есть интуиція. (Я пользуюсь этимъ терминомъ, несмотря на существованіе въ русскомъ языкѣ словъ „воззрѣніе" и „созерцаніе", такъ какъ это слово грамматически болѣе удобное). Фактически интуиція есть единичное представленіе, единственно которое мы можемъ противопоставить общимъ и индивидуальнымъ понятіямъ. Но имѣетъ ли это противопоставленіе значеніе для науки, т.е., иначе говоря, имѣетъ ли наука дѣло съ интуиціей? Здѣсь приходится дать совершенно отрицательный отвѣтъ, такъ какъ то что является объектомъ интуиціи, всегда выходитъ за предѣлы науки. Если это такъ, то что же противопоставляется въ наукѣ общимъ понятіямъ? Очевидно, что всѣ понятія являются общими, но вопросъ можетъ итти только о степени общности. Слѣдовательно, при раздѣленіи понятій на общія, частныя и индивидуальныя рѣчь идетъ не о противоположности результатовъ, а о противопоставленіи процессовъ образованія понятій. Въ этомъ смыслѣ это раздѣленіе очень существенно. Для того, чтобы выяснить лучше его значеніе, я перейду къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ раздѣленій понятій, которыя смѣшиваются между собой, но которыя слѣдуетъ тщательно различать въ интересахъ научнаго знанія. Очень часто смѣшиваютъ, напримѣръ, собирательное понятіе съ общимъ. Понятію общему мы противопоставляемъ индивидуальное, какъ иначе образованное, а понятію собирательному противопоставляется понятіе раздѣлительное. Общее и единичное понятіе - всегда два понятія, собирательное и раздѣлительное - всегда одно. Если я напримѣръ говорю „человѣкъ" [illegible] общее

понятіе, и „человѣкъ" - въ единичномъ смыслѣ, это два совершенно различныхъ понятія, тогда какъ, напримѣръ, „аудиторія" въ собирательномъ смчслѣ и „аудиторія" въ раздѣлительномъ сохраняютъ понятіе аудиторіи.

Итакъ, когда мы говоримъ о собирательныхъ и раздѣлительныхъ понятіяхъ, дѣло идетъ не о двухъ различныхъ группахъ понятій, а объ одномъ и томъ же понятіи, которое бываетъ то раздѣлительнымъ, то собирательнымъ, въ зависимости отъ того смысла, который мы вкладываемъ въ это понятіе. Собирательное понятіе есть такое, которое мы относимъ къ цѣлому, а не къ составляющимъ его частямъ, а раздѣлительное относится къ каждой его части. Напримѣръ, если скажу „аудиторія внимательно слушаетъ", я хочу этимъ сказать не то, что каждое отдѣльное лицо внимательно слушаетъ, я имѣю въ виду нѣчто цѣлое. Это же понятіе аудиторіи я могу, конечно, употребить и въ раздѣлительномъ значеніи, напримѣръ, если бы я поставилъ вопросъ на баллотировку, и сказалъ бы, что вопросъ этотъ аудиторія пробаллотировала, то это значило бы, что каждый изъ аудиторіи принялъ участіе въ баллотировкѣ. Въ собирательномъ понятіи мы не имѣемъ права дѣлать заключенія отъ цѣлаго по отношенію къ составляющимъ его частямъ. Для того, чтобы выяснить однако какое значеніе имѣетъ различіе собирательныхъ и раздѣлительныхъ понятій для нашего мышленія, мы обратимся къ разсмотрѣнію акта познанія. Во всякомъ актѣ познанія необходимо участіе 1) познающаго субъекта и 2) предмета на который направляется познаніе со стороны субъекта. Направляемость познанія обусловлива-

ется предметомъ. Здѣсь же является вопросъ о томъ, г д ѣ же находится этотъ предметъ: въ нашемъ ли онъ сознаніи или в н ѣ нашего сознанія. Всѣ наиболѣе распространенныя философскія теченія стоятъ сейчасъ на точкѣ зрѣнія идеализма, который на этотъ вопросъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что всѣ предметы находятся въ нашемъ сознаніи, что нельзя говорить о томъ, чего нѣтъ въ нашемъ сознаніи. Но если бы это было такъ, если бы внѣ насъ ничего не существовало, то на ч т о же бы тогда н а п р а в л я л о с ь наше сознаніе? Наше сознаніе не можетъ ни на что не направляться, оно должно направляться на нѣчто находящееся внѣ нашего сознанія, на какой нибудь предметъ. Этого предмета мы не знаемъ пока на него не направлено наше сознаніе. Наше сознаніе мы можемъ направлять на предметъ р а з л и ч н о, и это различіе въ направленіи нашего сознанія и составляетъ различіе между собирательными и раздѣлительными понятіями.

Есть еще одна пара понятій, обычное различеніе которыхъ вызываетъ цѣлый рядъ сомнѣній. Это понятія конкретныя и абстрактныя. Конкретными терминами называютъ въ традиціонной логикѣ понятія вещей, абстрактными - понятія качествъ, свойствъ, мыслимыхъ отдѣльно безъ вещей. Конкретно мы видимъ предметъ въ той обстановкѣ, въ которой онъ дается, если мы отдѣлимъ предметъ отъ обстановки, то мы все-таки будемъ имѣть конкретный предметъ. Что же тогда является абстрактнымъ? Обычно въ логикѣ говорятъ, что мы можемъ обратить особенное вниманіе на каждый отдѣльный изъ болѣе или менѣе сложныхъ признаковъ пред-

ставленія и отвлечься отъ остальныхъ. Этотъ процессъ называется абстрагированіемъ или абстракціей, а самые выдѣляемые признаки представленія называются абстрактными. Объ абстрагированіи часто говорится уже въ обыденной жизни и повсюду въ научной жизни. Напримѣръ, стереометрія отвлекается отъ всѣхъ свойствъ тѣла за исключеніемъ пространственныхъ, аналогично поступаетъ физика въ отношеніи „математическаго рычага. Слѣдуетъ однако обратить вниманіе на то, что при различеніи конкретныхъ и абстрактныхъ терминовъ обѣчь идетъ не о понятіяхъ, а о самыхъ п р е д м е т а х ъ. Предметъ математики абстрактный, предметъ зоологіи конкретный. Поэтому мы можемъ оставить слова: „понятіе конкретное" и „понятіе абстрактное" лишь какъ искусственное обозначеніе. Въ противоположность конкретнымъ и абстрактнымъ понятіямъ, есть и еще одно раздѣленіе понятій, которое относится не къ предметамъ, а къ нашему направленію на предметъ. Если мы характеризуемъ предметъ внѣ связи съ другими предметами, мы получаемъ понятіе независимое, характеризуя же его въ связи съ другими, мы получаемъ понятіе зависимое. Понятіе независимое называется иначе абсолютнымъ, понятіе зависимое - относительнымъ. Каждая пара понятій изъ которыхъ одно не можетъ быть мыслимо безъ другого, называется соотносительными понятіями. Соотносительныя понятія не поддаются логической характеристикѣ и когда мы говоримъ о соотносительныхъ понятіяхъ, мы выходимъ за сферу отдѣльныхъ понятій и входимъ въ область отношенія между понятіями. Въ дѣйствительности въ нашемъ познаніи существуютъ не только элементы, но и отношенія элементовъ. Если

бы съ формальной точки зрѣнія намъ удалось установить какое либо общее отношеніе, мы могли бы утверждать, что это отношеніе обязательно для каждой науки, такъ какъ мы разсуждаемъ о понятіяхъ совершенно формально, не имѣя въ виду никакого соотвѣтствія между этими понятіями и реальными объектами. Переходя теперь къ разсмотрѣнію возможныхъ отношеній между этими понятіями, мы выдѣлимъ сначала отношеніе общихъ и единичныхъ понятій, причемъ мы будемъ принуждены ввести трехчленное дѣленіе.

Допустимъ, у насъ есть общее понятіе „человѣкъ", единичнымъ понятіемъ можетъ быть въ такомъ случаѣ какой нибудь человѣкъ, напримѣръ, Сократъ, но между Сократомъ и человѣкомъ я могу помѣстить еще такое понятіе, которое будетъ относиться къ меньшему количеству предметовъ, чѣмъ понятіе „человѣкъ" и къ большему, чѣмъ „Сократъ", напримѣръ, понятіе „грекъ". Тогда мы получимъ понятія.

единичное: Сократъ

частное: грекъ,

общее: человѣкъ

Такимъ образомъ видно, что есть какое-то отношеніе между понятіями, и это отношеніе въ логикѣ называется отношеніемъ вида къ роду и рода къ виду. Всякій родъ можетъ быть видомъ по отношенію къ другому понятію, а всякій видъ въ свою очередь можетъ сдѣлаться родомъ по отношенію къ новому понятію Напримѣръ, по отношенію къ понятію человѣкъ я могу подумать другое понятіе, напримѣръ, животное, которое относится къ боль-

шему количеству предметовъ, чѣмъ человѣкъ. Тогда „животное" по отношенію къ человѣку становится родомъ, а „человѣкъ" становится видомъ. Точно также я могу придумать понятіе, которое будетъ относиться къ меньшему количеству объектовъ: аѳинянъ меньше чѣмъ грековъ, поэтому понятіе греки становится родомъ, а понятіе аѳиняне видомъ. Можетъ возникнуть вопросъ: если понятія располагаются въ систему родовъ и видовъ, то нельзя ли создать во всѣхъ наукахъ такую систему, въ которую мы ввели бы всѣ наши понятія? Тогда наука могла бы быть совершенной, такъ какъ любое понятіе занимало бы совершенно опредѣленное мѣсто по отношенію къ другимъ. Одно время въ логикѣ было распространено такъ называемое „дерево Порфирія"*). Исходя изъ понятія „бытія," міре котораго ничто не можетъ быть, Порфирій получаетъ лѣстницу видовъ, внизу которой находятся отдѣльные индивидуумы. При настоящемъ положеніи знанія изобразить такимъ образомъ содержаніе науки является, повидимому, невозможнымъ. Но это разсужденіе привело съ научно-философской точки зрѣнія къ чрезвычайно важному выводу: у насъ есть совокупность такихъ понятій, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ объектовъ, изучаемыхъ нами. Эти понятія получаютъ названіе сказуемыхъ или, по гречески, категорій. Аристотель насчитывалъ ихъ десять. Важно то, что признаніе этихъ категорій имѣетъ принципіальное значеніе. Кантъ обратилъ вниманіе на то, что все наше познаніе получается либо отъ чувствъ, либо отъ разсудка, но фактически никогда не бываетъ рѣзкаго раздѣленія того и другого, т.е. нѣтъ такого познанія.

*) См. Челпановъ „Учебникъ логики"

которое было бы только чувственнымъ или только разсудочнымъ, или, какъ выразился образно Кантъ, „продукты чувственности безъ понятій слѣпы, а понятія безъ интуиціи пусты". Фактически все наше опытное познаніе есть связь такой интуиціи съ категоріями. Если это ученіе правильно, то мы увидимъ, что любое логическое представленіе о познаніи пріобрѣтаетъ совершенно своеобразный характеръ, такъ какъ категоріи создаются не изъ опыта, а онѣ есть продуктъ нашего познающаго разума, онѣ есть то, что раздѣляетъ его на части и то, что вноситъ въ него закономѣрность. Именно въ этомъ смыслѣ Кантъ говорилъ, что не природа предписываетъ намъ законы, а мы ей, такъ какъ создавая эти категоріи мы переносимъ ихъ въ міръ чувственный. Такимъ образомъ, значеніе категорій первостепенно; но я пока оставляю этотъ вопросъ въ сторонѣ, такъ какъ мы остановимся на немъ, когда перейдемъ въ область методологіи. Мы говоримъ, что всѣ понятія раздѣляются и становятся въ такое взаимное отношеніе, что мы можемъ установить отношеніе вида и рода. Но въ дѣйствительности могутъ быть такія понятія, которыя ни подъ какой общій родъ подвести нельзя. Возьмемъ понятія „человѣкъ" и „не человѣкъ". Терминъ „человѣкъ", конечно, можно подвести подъ извѣстный родъ, но терминъ „не человѣкъ" можетъ обозначать безконечное количество предметовъ. Подъ какое же общее понятіе можно подвести эти два понятія? Повидимому, придумать такого общаго понятія невозможно. Можно, правда, сказать, что „человѣкъ" и „не человѣкъ" суть п о н я т і я, но это не есть подведеніе подъ родъ. Такія понятія, которыхъ нельзя подвести

подъ родъ, существуютъ въ логикѣ и играютъ тамъ большую роль. Эти понятія называются противоположными. Но можно представить такія понятія, которыя не исключаютъ другъ друга, какъ „человѣкъ" „не человѣкъ", но у которыхъ признаки такъ не похожи, что мы называемъ ихъ противоположными. Если я употреблю понятія „грѣшникъ" и „святой", то всякій согласится, что эти понятія противоположны. Но эта противоположность совершенно иного рода, чѣмъ первая: понятіе „не человѣкъ" исключаетъ возможность утвержденія, а здѣсь мы опредѣленно противополагаемъ грѣшника святому. Поэтому эту группу понятій лучше раздѣлить разными терминами: тамъ, гдѣ одно понятіе исключаетъ другое, они называются противорѣчащими, а тамъ, гдѣ они противостоятъ другъ другу, они будутъ называться противными. На смѣшеніи противныхъ и противорѣчащихъ понятій основываются логическія ошибки, съ которыми въ жизни приходится часто встрѣчаться. Чтобы избѣжать ихъ, надо помнить что частица „не" въ противорѣчащихъ понятіяхъ ничего не обозначаетъ, только отрицаетъ утвержденіе противниковъ.

СУЖДЕНІЯ И ИХЪ КЛАССИФИКАЦІЯ.

Разсмотрѣвъ классификацію понятій, мы должны перейти къ вопросу о тѣхъ способахъ, съ помощью которыхъ мы сообщаемъ понятію постоянство и опредѣленность, т. е. придаемъ ему логическую цѣнность. Процессы, которыми располагаетъ логика для этой цѣли, называются процессами опредѣленія и дѣленія. Такъ какъ опредѣленіе и дѣленіе выражаются обыкновенно въ формѣ такъ называемыхъ суждений, то намъ прежде необходимо познакомиться съ тѣмъ, что-называется сужденіемъ, какіе виды сужденій имѣются,

т.е. съ ученіемъ логики о сужденіяхъ.

Поскольку рѣчь идетъ о сужденіи, мы всегда собственно разсматриваемъ его съ двухъ сторонъ, либо съ точки зрѣнія извѣстнаго процесса, который совершается въ нашемъ мышленіи, либо съ точки зрѣнія тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы приходимъ въ концѣ этого процесса. Совершенно очевидно, что въ первомъ случаѣ наше сужденіе является объектомъ психологическимъ, и мы, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ психологіей, тогда какъ во второмъ случаѣ, гдѣ мы спрашиваемъ, главнымъ образомъ, о томъ, какую цѣнность имѣютъ для насъ результаты процесса сужденія, какое мѣсто занимаютъ сужденія въ научной системѣ, мы находимся въ сферѣ задачъ логики. Изложу вкратцѣ ученіе формальной логики о сужденіяхъ для того, чтобы прослѣдить терминологію, съ которой намъ придется имѣть дѣло. Съ точки зрѣнія чисто формальной, сужденіе можно опредѣлить, какъ о т н о ш е н і е двухъ понятій. Психологія, обсуждая этотъ вопросъ, обращаетъ вниманіе на то, что это отношеніе не есть простая связь понятій, т. е. что въ сужденіи мы не имѣемъ дѣла только съ тѣмъ, что д а н о въ самихъ понятіяхъ, а встрѣчаемся съ какимъ то специфическимъ процессомъ, по существу принципіально отличающимся отъ процесса представленія. Я обращаю на это ваше вниманіе потому, что въ традиціонныхъ учебникахъ психологіи можно встрѣтить обратный взглядъ, а именно, что, собственно, въ сужденіи ничего другого и нѣтъ, кромѣ самихъ представленій, ассоціацій представленій и т.д. Этотъ взглядъ старой психологіи кореннымъ образомъ невѣренъ, и современная психологія, отбросивъ его совершенно,

обращаетъ наше вниманіе на этотъ спеціфическій процессъ, который заключаетъ въ себѣ сужденіе, и говоритъ, что этотъ процессъ носитъ характеръ синтеза. Если мы говоримъ о синтезѣ, то мы имѣемъ нѣчто новое по сравненію съ тѣми элементами, которые были даны . Слѣдовательно, и въ сужденіи мы всегда имѣемъ нѣчто новое, принципіально отличающееся отъ входящихъ въ него составныхъ частей. Кромѣ того, психологія въ отношеніи сужденій подчеркиваетъ еще одно, а именно, что всякое сужденіе сопровождается чувствомъ увѣренности или наоборотъ, чувствомъ нѣкотораго колебанія, сомнѣнія. Изъ этихъ двухъ характерныхъ чертъ сужденія для логики существенно, конечно, прежде всего то, что мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ синтетическимъ процессомъ. Что же касается того чувственнаго тона, о которомъ говоритъ психологія, то мы видимъ, что формальная логика совершенно игнорировала эту сторону дѣла. Дѣйствительно, не все ли равно для логики, увѣрены ли мы въ томъ, что высказываемъ или нѣтъ? Вѣдь отъ большей увѣренности нашей сужденіе отнюдь не пріобрѣтаетъ большей достовѣрности. Наоборотъ, можно сказать, что сужденія, которыя мы высказываемъ съ наибольшей увѣренностью, логически сплошь да рядомъ имѣютъ наименьшую цѣнность, потому что они суть наше вѣрованіе, наше убѣжденіе, а отнюдь не доказательство. Тамъ, гдѣ мы приводимъ доказательства, тамъ мы, наоборотъ, беремъ то изъ нихъ, которое должно говорить само за себя.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на эти характерныя черты сужденій и на ихъ формальное опредѣленіе, то мы получимъ раз-

личныя стороны, съ которыхъ мы можемъ подходить къ обсужденію сужденія, и, слѣдовательно, получимъ различные поводы для классификаціи сужденій. Формальная логика, утверждаетъ, что всякое сужденіе есть нѣкоторая связь представленій; представленія эти мы можемъ выразить въ видѣ „А" и „В", а такъ какъ всякое сужденіе грамматически выражается въ формѣ предложенія, то мы можемъ сказать, что „ А есть В ", причемъ „есть" мы должны понимать именно какъ форму связи между А и В, существующую для того, чтобы отличить отдѣлы понятій, входящихъ въ сужденіе, не предрѣшая вопроса о томъ, какова въ дѣйствительности эта форма связи, т.е. указываетъ ли она на причины или на сосуществованіе, на послѣдствія, на дѣйствіе, свойства и т.д. Мы можемъ воспользоваться той же терминологіей, которая имѣетъ мѣсто при анализѣ предложенія, т.е. называть понятіе, о которомъ идетъ рѣчь, подлежащимъ, или субъектомъ, то которое съ нимъ связывается,- сказуемымъ или предикатомъ. Въ сужденіи, слѣдовательно, получаются слѣдующіе элементы: субъектъ, предикатъ, нѣкоторая связь между ними, а затѣмъ сюда же мы присоединяемъ то, что въ психологіи называется чувственнымъ тономъ, или то, что въ логикѣ превращается въ вопросъ о познавательной цѣнности сужденія, объ отношеніи познающаго субъекта къ тому, что онъ высказываетъ о познаваемыхъ предметахъ. Если мы станемъ разсматривать сужденіе съ точки зрѣнія субъекта, то замѣтимъ, что мы высказываемъ свое сужденіе либо обо в с ѣ х ъ предметахъ, входящихъ въ данное понятіе, напримѣръ, мы говоримъ: „всѣ книги полезны", либо о н ѣ к о т о р ы х ъ, напри-

мѣръ, „нѣкоторыя книги полезны". Наконецъ, можетъ быть такое сужденіе, когда мы говоримъ всего объ о д н о м ъ предметѣ: „учебникъ логики полезенъ". Отсюда и получаются различные виды сужденій. Сужденія перваго рода, которыя мы можемъ символически обозначить, „всѣ S суть P" называются о б щ и м и, сужденія второго рода, обозначеніе которыхъ будетъ, „нѣкоторыя S суть P", называются ч а с т н ы м и, и, наконецъ, послѣдній видъ сужденія, „одно S есть P" носитъ названіе е д и н и ч н ы х ъ сужденій. Формальная логика обычно игнорировала единичное сужденіе, какъ такое, которое вовсе ей не подлежитъ, потому что, по мнѣнію формальной логики, истина можетъ быть высказана только въ общемъ сужденіи, а всякое единичное сужденіе является только мнѣніемъ. Но мы хорошо знаемъ, что мы высказываемъ единичное сужденіе съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ общее, и, слѣдовательно, игнорированіе единичнаго сужденія является, такимъ образомъ, недостаткомъ логики. Логика это чувствовала, и поэтому иногда обходила этотъ вопросъ, а иногда впадала въ другую крайность, говоря, что единичное сужденіе ничѣмъ не отличается отъ общаго: если я высказываю общее сужденіе, то его можно высказать обо всѣхъ предметахъ, входящихъ въ данный классъ, а если я высказываю единичное сужденіе, то я говорю о такомъ классѣ, въ который входитъ только одинъ предметъ, т.е. слѣдовательно я, въ единичномъ сужденіи, какъ и въ общемъ, исчерпываю весь объемъ этого понятія, а потому оно можетъ разсматриваться какъ общее сужденіе. Конечно, не трудно сейчасъ же увидѣть недостатокъ этого ученія; такъ, во-пер-

выхъ, бываютъ случаи, когда единичное сужденіе высказывается въ смыслѣ частнаго сужденія, а кромѣ того изъ общаго сужденія можно сдѣлать выводъ: разъ мы высказываемъ что нибудь обо всѣхъ предметахъ, входящихъ въ данный классъ, то то же самое можно сказать и о каждомъ предметѣ даннаго класса. Мы ограничимся пока ученіемъ формальной логики и станемъ дѣлить сужденія на общія и частныя. Если мы станемъ разсматривать теперь наши сужденія съ точки зрѣнія предиката, то увидимъ, что субъектъ связанъ съ предикатомъ либо въ смыслѣ утвержденія, либо, наоборотъ,- отрицанія. Изъ этого вытекаетъ, что есть сужденія утвердительныя и сужденія отрицательныя. Я могу сказать: „всѣ французы лгуны", и я могу сказать, что „всѣ французы не лгуны". Если мы примемъ во вниманіе, что мы можемъ у т в е р ж д а т ь или о т р и ц а т ь что либо и какъ относительно общаго такъ и относительно частнаго, то мы получаемъ исчерпывающую классификацію съ точки зрѣнія субъекта и предиката. Всего мы получаемъ, слѣдовательно, четыре возможныя формы сужденія, которыя въ логикѣ принято символически обозначать буквами: обще-утвердительное сужденіе - „A", обще-отрицательное - „E", частно-утвердительное - „I", частно-стрицательное - „O".

Это формальное дѣленіе даетъ однако еще мало для уразумѣнія смысла сужденія. Если психологія говоритъ, что самое характерное для сужденія есть тотъ синтезъ, то, нѣчто совершенно новое, которое вносится сужденіемъ въ наше мышленіе, то очевидно сужденіе мы должны разсматривать, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія синтеза. Если мы станемъ разсматривать сужде-

нія съ точки зрѣнія связи между понятіями, то мы замѣтимъ, что мы эту связь высказываемъ либо какъ связь безусловную, т.е. высказываемъ сужденіе, которое имѣетъ значеніе само по себѣ, либо напротивъ, какъ связь обусловленную, т.е. наше сужденіе имѣетъ значеніе только подъ извѣстнымъ условіемъ. Къ этимъ двумъ видамъ присоединяется еще и третій, когда мы высказываемъ сужденіе неопредѣленно. Всѣ эти сужденія опять-таки носятъ свои названія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы высказываемъ какое нибудь сужденіе безусловно,-мы говоримъ о к а т е г о р и ч е с к о м ъ сужденіи. (Надо имѣть въ виду при этомъ, что безусловно еще не значитъ совершенно достовѣрно, это значитъ только, что я высказываю сужденіе внѣ зависимости отъ какихъ нибудь условій). Сужденіе, которое ставится въ зависимость отъ другого сужденія, какъ извѣстнаго условія, носитъ названіе г и п о т е т и ч е с к а г о. Наконецъ, сужденіе неопредѣленное, гдѣ я долженъ выбирать между нѣсколькими альтернативами, называется сужденіемъ р а з д ѣ л и т е л ь н ы м ъ. Дѣленіе съ точки зрѣнія связи имѣетъ уже большее значеніе для логики, потому что мы здѣсь пользуемся различными схемами, можно сказать, р а з л и ч н ы м и типами мышленія. Легко увидѣть, что въ каждой группѣ наукъ преобладаетъ тотъ или другой типъ сужденій: нѣкоторыя науки спеціально состоятъ изъ категорическихъ сужденій, другія изъ условныхъ, и, наконецъ, есть науки, гдѣ собственно, кромѣ неопредѣленнаго сужденія, мы ничего высказать не можемъ. Кромѣ того, сужденія эти сплошь да рядомъ служатъ намъ основаніемъ для высказыванія другихъ сужденій, ха-

рактеръ которыхъ совершенно мѣняется въ зависимости оттого, изъ какого сужденія они исходятъ, изъ категорическаго, гипотетическаго или раздѣлительнаго. Въ категорическомъ я оперирую либо съ непосредственно сознаваемой очевидностью, либо я воспринимаю извѣстный фактъ; въ гипотетическомъ сужденіи я всегда долженъ напередъ еще разсмотрѣть самое условіе, а въ раздѣлительномъ сужденіи мнѣ придется имѣть дѣло съ нѣсколькими предположеніями, изъ которыхъ я долженъ каждое отдѣльно разсмотрѣть

Теперь мнѣ предстоитъ характеризовать сужденіе уже не со стороны формальнаго анализа, а съ той стороны, которую я раньше характеризовалъ какъ смыслъ или познавательную цѣнность сужденія, и которую формальная логика часто характеризуетъ какъ модальность сужденія. Мы высказываемъ сужденія съ точки зрѣнія нашего отношенія къ нимъ, либо какъ сужденіе безусловно необходимое въ смыслѣ его логической цѣнности, слѣдовательно, л о г и ч е с к и необходимое, либо какъ сужденіе, которое необходимо такъ сказать ф а к т и ч е с к и, но которое логически можно и не признавать. Въ первомъ случаѣ я забочусь только о томъ, чтобы то, что я высказываю, было мыслимо и чтобы противоположное ему было немыслимо. Если прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, то противоположное этому немыслимо, такъ какъ никто не можетъ помыслить кратчайшую линію не прямой. Если же я говорю, что Москва стоитъ на рѣкѣ Москвѣ, я могу мыслить и противоположное этому, т.е. что Москва стоитъ напр., на Волгѣ, а Тамбовъ на Москвѣ-рѣкѣ. Сужденія, противоположныя которымъ немыслимы, мы будемъ называть а п о д и к т и-

ч е с к и м и, а сужденія, устанавливающія фактическую наличность, носятъ названіе - а с с е р т о р и ч е с к и х ъ. Если мы высказываемъ сужденіе не имѣющее даже значенія факта, а выражающее только возможность его, то въ этомъ случаѣ мы будемъ говорить только о вѣроятности, и наше сужденіе будетъ п р о б л е м а т и ч е с к и м ъ. Такъ напр., если мы скажемъ: „Вѣроятно, завтра будетъ скверная погода",- то мы будемъ имѣть сужденіе проблематическое. Слѣдовательно къ характеристикѣ сужденій нужно прибавить то, что они обращаютъ вниманіе на три формы бытія; а именно: аподиктическое сужденіе указываетъ на бытіе н е о б х о д и м о е, ассерторическое - на бытіе д ѣ й с т в и т е л ь н о е, и проблематическое - на бытіе в о з м о ж н о е. Это дѣленіе весьма существенно, потому что имѣетъ принципіальное значеніе. Необходимостью въ логическомъ смыслѣ мы можемъ назвать то, что вытекаетъ изъ требованій самой логики, т.е. то, что мы знаемъ и установимъ какъ необходимое. Въ такомъ случаѣ каждое наше сужденіе, дѣйствительно, является безусловнымъ, неопровержимымъ и въ полномъ смыслѣ слова абсолютнымъ. Для насъ безразлично согласуется ли наше установленіе съ дѣйствительностью или нѣтъ: если только мы установили извѣстное сужденіе, то мы можемъ съ нимъ оперировать, и оно останется неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока наши установленія неизмѣнны, т.е. пока неизмѣненъ нашъ разсудокъ. Необходимое сужденіе слѣдовательно могло бы перестать быть таковымъ только въ томъ случаѣ, если бы измѣнился, т.е. сталъ чѣмъ нибудь инымъ нашъ разсудокъ. Изъ такого рода дѣйствительности мы постепенно

вступаемъ въ область такъ называемыхъ абстрактныхъ понятій, или вѣрнѣе, абстрактныхъ предметовъ, съ которыми оперируютъ, напр. въ математикѣ. Абстрактныя отношенія, которыя мы устанавливаемъ въ математикѣ, неизмѣнны, и при разсмотрѣніи ихъ рѣчь идетъ только о томъ, противорѣчатъ ли другъ другу извѣстныя установленія или нѣтъ и не противорѣчатъ ли они, въ концѣ концовъ, одному изъ первоначальныхъ установленій. Если противорѣчія нѣтъ, то эти установленія становятся обязательными. Такимъ образомъ, бытіе необходимое относится только къ абстрактному, а въ фактической дѣйствительности ничего необходимаго нѣтъ, и потому эти постоянно длящіеся споры о томъ, что такое абсолютная истина, разрѣшимы только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду это раздѣленіе. Абстрактная истина необходимо будетъ абсолютной именно въ силу своей абстрактности, въ силу того, что рѣчь идетъ не объ отношеніяхъ къ дѣйствительности, познаніе которой далеко не совершенно, а къ образованію, создающемуся въ нашемъ собственномъ сознаніи.

Что касается дѣйствительности, то, наоборотъ, здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ предметами конкретными и должны брать предметъ во всей его цѣлостности. Въ самомъ дѣлѣ, если я стану говорить что-нибудь совершенно достовѣрное о данномъ предметѣ, кажущемся раздѣльнымъ, то, даже принимая во вниманіе данную обстановку, я все-таки совершаю абстракцію, такъ какъ фактически я долженъ брать этотъ предметъ въ совокупности всего міра. Конечно, это есть задача безконечная, я не говорю не разрѣшимая, потому что разрѣшать задачу по частямъ - не значитъ не умѣть

ее разрѣшить вовсе. Поскольку мы, слѣдовательно, въ наукѣ направляемся къ изученію дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло съ безконечной задачей. Могутъ здѣсь возразить, что д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь представляетъ собой подобно нѣкоторымъ математическимъ наукамъ кругъ извѣстныхъ проблемъ, который какъ бы замыкается всякій разъ въ себѣ самомъ. Дѣйствительно, хотя задача арифметики въ сущности и неисчерпана, но кругъ ея проблемъ замкнутъ и границы его ясны. Въ геометріи, конечно, мы будемъ еще изучать рядъ новыхъ геометрическихъ отношеній, геометрическая наука будетъ развиваться безконечно, но кругъ ея заранѣе замкнутъ, потому что предметъ ея мы сами извлекли изъ дѣйствительности, сразу ограничили, и дальше итти не можемъ. Но о дѣйствительности мы этого сказать ни въ коемъ случаѣ не можемъ. Въ началѣ 19-го вѣка, напр., Контъ утверждалъ, что для науки навсегда останется недоступнымъ знаніе химическаго состава звѣздъ. Однако очень скоро послѣ этого утвержденія какъ разъ химическій составъ звѣздъ былъ открытъ Бунзеномъ, при помощи спектральнаго анализа. По отношенію къ любой конкретной наукѣ мы сейчасъ стоимъ совершенно передъ такой же задачей. Если мы сейчасъ не знаемъ біографіи какого нибудь историческаго лица, мы не можемъ утверждать что не будемъ знать ея завтра. Дѣйствительно, логически совершенно неопровержимо то положеніе, что мы можемъ получить такой способъ познанія, который будетъ обращать время, а тогда мы сможемъ прослѣдить назадъ всѣ событія до какого угодно времени. Въ одномъ изъ романовъ Фламмаріона есть даже такое описаніе познанія прошлаго. Представьте себѣ духъ,

который бы мчался въ пространствѣ быстрѣе свѣта, онъ умчался бы такъ далеко, что перегналъ бы свѣтъ на много тысячъ лѣтъ, а если бы онъ затѣмъ возвращался назадъ съ быстротою свѣта, вся исторія земли передъ нимъ развернулась бы совершенно послѣдовательно. Съ этой точки зрѣнія, говоря о дѣйствительности, мы можемъ высказать такую парадоксальную, на первый взглядъ, мысль, что изученіе дѣйствительности есть самое фантастическое изученіе.

Что касается наконецъ в о з м о ж н о с т и, то мы можемъ говорить о ней въ смыслѣ логическомъ, въ смыслѣ дѣйствительности, въ смыслѣ физическомъ и т.д. Для логики существенной является, конечно, возможность логическая, но это вопросъ, который мы разсмотримъ отдѣльно.

Чтобы покончить съ вопросомъ о классификаціи сужденій, я остановлюсь еще на одной чертѣ, которая также относится къ цѣнности сужденій и которая была указана впервые Кантомъ. Кантъ полагаетъ, что одни изъ высказываемыхъ нами сужденій р а с ш и р я ю т ъ наши знанія, а другія сужденія нашихъ знаній н е расширяютъ, такъ какъ, въ нихъ мы высказываемъ въ предикатѣ то, что намъ уже извѣстно изъ субъекта. Такъ напр., если я говорю, „человѣкъ есть существо разумное", или, что „всякое тѣло протяженно", то я въ понятіи „человѣкъ" уже мыслю разумность, и въ самомъ понятіи „тѣло" мыслю протяженность. Послѣднія сужденія, слѣдовательно, ничего новаго не даютъ, они только расчленяютъ или, можетъ быть, разъясняютъ, но не расширяютъ нашего знанія. Но если я, напримѣръ, скажу человѣку, который

этого не знаетъ, что Петръ Великій умеръ въ 1725 году, то я расширяю его знанія. Кантъ называетъ сужденія, которыя не расширяютъ знанія, а н а л и т и ч е с к и м и, а тѣ, которыя расширяютъ наше знаніе, с и н т е т и ч е с к и м и. Это раздѣленіе подвергается критикѣ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Когда мы имѣемъ дѣло съ этимъ противопоставленіемъ, что одни сужденія расширяютъ наше знаніе, а другія нѣтъ, то сейчасъ же начинаютъ возражать, что вѣдь всякое наше синтетическое сужденіе иногда достигаетъ такой стадіи, когда оно перестаетъ быть синтетическимъ и становится аналитическимъ, и, обратно, всякое аналитическое сужденіе было когда нибудь въ прошломъ синтетическимъ. Эти возраженія имѣютъ въ виду слѣдующее: если мы высказываемъ сужденіе о химическомъ составѣ воды, то для школьника оно является синтетическимъ, но для химика оно есть аналитическое, потому что, когда онъ говоритъ о водѣ, то онъ необходимо мыслитъ то, что здѣсь высказывается въ предикатѣ. Раздѣленіе это, слѣдовательно, только относительное, но такъ какъ мы въ каждый данный моментъ можемъ констатировать въ наукѣ наличность синтетическихъ сужденій, то это раздѣленіе имѣетъ смыслъ для даннаго состоянія знаній. Но поскольку я разсматриваю исторію науки въ ея эволюціи, это раздѣленіе не имѣетъ значенія. Аналогичное раздѣленіе сужденій предлагалъ Милль, причемъ его дѣленіе отчасти замѣняетъ Кантовское, отчасти даетъ возможность найти нѣкоторый новый выходъ. Онъ предлагаетъ различать сужденія н о м и н а л ь н ы я и р е а л ь н ы я. Номинальныя не расширяютъ нашего знанія, а высказываютъ въ предикатѣ

то, что заключается въ субъектѣ, реальныя же сужденія расширяютъ наше знаніе. На первый взглядъ это дѣленіе какъ будто вполнѣ соотвѣтствуетъ Кантовскому, но на самомъ дѣлѣ между нимъ есть значительное различіе, которое станетъ для насъ совершенно яснымъ, если мы познакомимся съ той особой задачей, которую преслѣдовалъ Кантъ, когда вводилъ свое дѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія. Дѣло въ томъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ предшествовавшихъ Канту философовъ, въ нашемъ сознаніи должны существовать нѣкоторыя сужденія, заключающія въ себѣ элементы а п р і о р н ы е, т.е. не полученные изъ опыта, причемъ элементы эти получаются просто путемъ анализа понятій. Такъ и на Кантъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что изъ анализа понятій, изъ опредѣленій нельзя вывести ничего новаго. То онъ, конечно, не могъ согласиться съ тѣмъ, что апріорныя сужденія, получаемыя путемъ анализа, расширяютъ наше знаніе. Но желая вмѣстѣ съ тѣмъ спасти значеніе апріорныхъ сужденій, которыя одни только являются всеобщими и достовѣрными, Кантъ направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы доказать, что среди р а с ш и р я ю щ и х ъ наше знаніе сужденій есть такія, которыя носятъ а п р і о р н ы й характеръ. Съ точки зрѣнія этой задачи было вполнѣ естественно раздѣлить сужденія на аналитическія, которыя сами по себѣ апріорны, но новыхъ знаній не даютъ намъ, а затѣмъ синтетическія, которыя расширяютъ наше знаніе. Кантъ не сомнѣвается въ томъ, что всѣ эмпирическія сужденія синтетичны, но ему важно доказать, что и среди апріорныхъ сужденій также есть синтетическія сужденія. Когда Кантъ указывалъ на то, что синтетиче-

скія сужденія заключаютъ въ себѣ апріорные элементы, онъ, какъ мы сейчасъ видѣли, хотѣлъ доказать, что изъ опредѣленія ничего вывести нельзя и построить науку на однихъ опредѣленіяхъ невозможно Этотъ вопросъ былъ чрезвычайно важенъ для Канта, такъ какъ по мнѣнію предшествовавшихъ мыслителей, геометрію напр., можно построить на однихъ опредѣленіяхъ, причемъ не нужно даже аксіомъ. Самую философію тачно также думали построить раціональнымъ путемъ изъ однихъ понятій. Кантъ хочетъ доказать, что такія сужденія будутъ аналитическими, и знанія нашего расширять не будутъ, и что такая математика и философія, слѣдовательно, невозможны. Теперь посмотримъ соотвѣтствуетъ ли дѣленіе Милля Кантовскому. Номинальныя сужденія въ извѣстной степени соотвѣтствуютъ аналитическимъ, такъ какъ и тѣ и другія содержатъ анализъ понятій,- но каково отношеніе между синтетическими и реальными сужденіями? Можно ли говорить, что въ числѣ реальныхъ сужденій есть апріорныя? Для Милля ихъ не существовало, и слѣдовательно, для Милля синтетическія сужденія являются тоже сужденіями, полученными изъ опыта. Вопросъ же объ апріорныхъ сужденіяхъ, Кантовскій вопросъ, Милль просто не рѣшаетъ, онъ обходитъ, такъ сказать, смыслъ Кантовскаго вопроса.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какими данными мы располагаемъ для оцѣнки правильности и неправильности сужденій, т.е. къ выясненію того, какъ въ логикѣ устанавливается цѣнность сужденій. Когда мы доказываемъ истинность какого нибудь сужденія мы сплошь да рядомъ останавливаемся тог-

да, когда мы говоримъ, что это н е п о с р е д с т в е н н о о ч е в и д н о; далѣе, когда рѣчь идетъ объ опосредствованномъ сужденіи, мы говоримъ, что оно сведется въ конечномъ результатѣ къ нѣкоторой истинѣ, непосредственно очевидной. Весь центръ вопроса объ истинѣ переносится, такимъ образомъ, на непосредственную очевидность. Непосредственно достовѣрными называютъ тѣ сужденія, которыя высказываются на основаніи ф а к т о в ъ в о с п р і я т і я. Но могутъ ли таковыя сужденія быть приняты за основаніе всѣхъ другихъ сужденій, и могутъ ли они лежать въ основѣ всѣхъ наукъ? Такъ какъ совершенно ясно, что факты воспріятія и н д и в и д у а л ь н ы, то, слѣдовательно, все то, что, на основаніи этихъ фактовъ, высказываетъ индивидуумъ является значимымъ лишь для него, з а предѣлы этой значимости выйти невозможно - разъ нѣтъ правила, по которому изъ субъективнаго факта слѣдуетъ для всѣхъ значимое положеніе. Если признать, слѣдовательно, исключительно факты воспріятія за послѣднюю достовѣрность, то мы придемъ къ полной относительности, къ полной невозможности какихъ-нибудь о б щ и х ъ сужденій, которыя могли бы лежать въ основѣ науки. Такія истины, слѣдовательно, какъ „прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками", „всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину", могутъ быть абсолютными только для высказывающаго ихъ, но не могутъ претендовать на общее значеніе. Только слѣдующій способъ разсужденія въ данномъ случаѣ даетъ выходъ изъ скептицизма, а именно, если мы допустимъ, что о б о с н о в ы в а ю щ и м ъ для нашего высказыванія является то,

что лежитъ въ самомъ нашемъ п о з н а н і и: другими словами, если условія достовѣрности сужденія можно будетъ искать въ самомъ познаніи, то мы натолкнемся на нѣкоторыя условія, которыя можно будетъ назвать з а к о н а м и нашего мышленія. Такіе законы мышленія являются основными законами по отношенію къ логикѣ и здѣсь они носятъ характеръ аксіомъ. Я остановлюсь на нихъ затѣмъ, чтобы потомъ, воспользовавшись ими, можно было рѣшить общій вопросъ о томъ, какія могутъ быть аксіомы.

Всякій разъ, какъ мы опе)ируемъ съ п о н я т і я м и, мы требуемъ только, чтобы между ними не было внутренняго противорѣчія, и если его нѣтъ, мы считаемъ дѣло истиннымъ. Этотъ законъ нашего мышленія носитъ въ логикѣ названіе: „закона противорѣчія" и выражается такимъ образомъ: „А" не можетъ быть въ одно и то же время „А" и не „А". Но когда рѣчь идетъ о высказываніи относительно д ѣ й с т в и т е л ь н о с т и, мы уже не удовлетворяемся отсутствіемъ противорѣчія, тѣмъ болѣе, что въ самой дѣйствительности мы встрѣчаемъ какъ разъ постоянное противорѣчіе. Здѣсь, слѣдовательно, необходимо, чтобы отдѣльныя высказыванія какъ нибудь обосновывались, и мы не примиримся съ высказываніемъ, пока оно теоретически не обосновано. Мы получаемъ такимъ образомъ другой основной законъ нашего мышленія, который носитъ названіе закона достаточнаго основанія: мы все должны высказывать на извѣстныхъ основаніяхъ, и притомъ на достаточныхъ, для того, чтобы оно было для насъ убѣдительнымъ. Вотъ эти законы и суть аксіомы нашего мышленія. Обыкновенно въ логикѣ къ нимъ присоединяютъ еще два закона, именно говорятъ, что

существуетъ законъ тождества, который выражается: „А" есть „А" и законъ исключительнаго третьяго. Не трудно увидѣть, что законъ тождества совершенно совпадаетъ съ закономъ противорѣчія. Если я говорю, что „А" не есть не „А", это значитъ, что оно есть „А". Поэтому философы, пользующіеся этимъ закономъ сплошь да рядомъ говорятъ: „законъ тождества или законъ противорѣчія". Третій законъ, который вводится въ логику,- законъ исключеннаго третьяго, также непосредственно вытекаетъ изъ закона противорѣчія. Если „А" можетъ быть „А" или не „А", то можетъ ли оно быть чѣмъ нибудь третьимъ? Этотъ законъ утверждаетъ, что нѣтъ, и это совершенно вытекаетъ изъ самаго противорѣчія. Каждое „А" можетъ быть либо „В" либо не „В",- ничего третьяго придумать нельзя.

Вопросъ о томъ, какъ обосновать достовѣрность законовъ мышленія, относится, строго говоря, не къ логикѣ, а къ области теоріи познанія, поскольку мы говоримъ объ условіяхъ, заключающихся въ дѣятельности познающаго субъекта. На этотъ вопросъ существуетъ два противоположныхъ отвѣта, одинъ изъ которыхъ, устанавливающій относительность этихъ законовъ, дается скептицизмомъ, а другой отвѣтъ, который хочетъ спасти отъ скептицизма и эти законы и аксіомы вообще, исходитъ отъ критической философіи. По существу дѣла это старый и основной споръ. Одинъ изъ современныхъ философовъ пытался даже доказать, что всѣ наши философскія теченія сводятся къ различію этихъ двухъ направленій. Если считать, что первымъ, кто защищалъ относительность истины, былъ Протагоръ, а первымъ, кто

отстаивалъ ея постоянство, былъ Платонъ, то дѣйствительно въ философіи можно установить два направленія, либо Протагоръ, либо Платонъ.

Эмпирики, въ лицѣ Милля, излагаютъ свою теорію слѣдующимъ образомъ: всѣ аксіомы намъ внушаются опытомъ. Если мы утверждаемъ, что прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, то только потому, что это убѣжденіе построено на опытѣ: когда намъ нужно выбрать кратчайшее разстояніе, мы выбираемъ прямую, когда чертимъ что нибудь и стараемся провести кратчайшее разстояніе, мы проводимъ прямую. Слѣдовательно, въ аксіомѣ мы имѣемъ дѣло съ положеніемъ, которое получилось путемъ обобщеній, путемъ перехода отъ этихъ частичныхъ утвержденій къ утвержденію совершенно общему, т.е. путемъ индукціи. Но если мы, дѣйствительно, такимъ образомъ понимаемъ аксіомы, то по своему характеру онѣ ничѣмъ не отличаются отъ всякаго другого высказыванія, ибо каждое высказываніе точно также получено изъ опыта. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы эти аксіомы считать всеобщими и основывать на нихъ всѣ наши сужденія. Другими словами, мы должны здѣсь придти къ извѣстной относительности Не входя въ обсужденіе этого вопроса по существу, можно уже замѣтить основную ошибку Милля. Милль говоритъ, что наши аксіомы внушены опытомъ, если мы допустимъ даже, что это вѣрно, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что онѣ цѣликомъ возникли изъ опыта. Если понимать выраженіе Милля буквально, то оно, наоборотъ, какъ разъ и указываетъ на совершенно иное происхожденіе аксіомъ, а не изъ опыта. Въ

самомъ дѣлѣ, если онѣ в н у ш е н ы опытомъ, то значитъ здѣсь былъ прежде поводъ, была извѣстная дѣятельность, предпринятая подъ вліяніемъ сознанія. Слѣдовательно, здѣсь была дѣятельность с о з н а н і я и было нѣкоторое у с т а н о в л е н і е по поводу опыта, и поскольку я буду анализировать опытъ, устанавливая нѣкоторыя абстрактныя отношенія, которыя будутъ всецѣло безспорны, я получаю извѣстное общее положеніе.

Это положеніе эмпирической философіи можно опровергнуть однако еще иначе, не исходя изъ буквальнаго толкованія его словеснаго выраженія. Если бы всѣ наши аксіомы и вообще наши положенія возникали только изъ опыта, то въ такомъ случаѣ чѣмъ больше опытовъ , тѣмъ извѣстное положеніе было бы достовѣрнѣе. Но въ дѣйствительности въ иныхъ случаяхъ намъ нужно сдѣлать тысячи опытовъ, чтобы убѣдить человѣка, а въ другомъ случаѣ достаточно одного опыта и его анализа, чтобы человѣкъ былъ убѣжденъ. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ количествѣ опытовъ, а именно въ самомъ анализѣ. Это какъ разъ относится, напр.,къ математикѣ. Какъ бы мы посмотрѣли на математика, который для того, чтобы убѣдить насъ въ истинѣ какой нибудь теоремы,сталъ бы приводить десятки тысячъ треугольниковъ и на нашихъ глазахъ измѣрять ихъ. Это было бы, по меньшей мѣрѣ, нелѣпо и просто логически, по самому существу математики и ея методовъ, непріемлимо. Наоборотъ, математика утверждаетъ, что можетъ быть въ мірѣ и нѣтъ такого треугольника, сумма угловъ котораго ,напримѣръ, равняется двумъ прямымъ, но тѣмъ не менѣе эта истина

абсолютна. Вотъ этой дѣятельностью сознанія и обусловливается необходимость самихъ математическихъ аксіомъ. То же самое относится и къ тѣмъ положеніямъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Если я высказываю, что всякое сужденіе должно имѣть достаточное основаніе, то мнѣ вовсе не нужно ссылаться на опытъ и приводить громадное количество доказательствъ, которыя въ концѣ концовъ запутали бы эту истину. Если бы я сталъ перечислять такимъ способомъ всѣ сужденія, когда либо высказанныя, я, безъ сомнѣнія, нашелъ бы очень много сужденій безъ достаточныхъ основаній, и доводы мои врядъ ли убѣдили бы противника. Слѣдовательно, можно сказать, что если факты опыта насъ наводятъ на аксіомы, то эти аксіомы все же не получаются всецѣло изъ опыта, къ нему необходимо присоединяется еще дѣятельность нашего сознанія, и поскольку мы утверждаемъ, что обладаемъ этимъ сознаніемъ, это сознаніе у всѣхъ едино, т.е. здѣсь существуетъ законъ единства, законъ всеобщности. Психологическіе процессы мышленія могутъ быть при этомъ, конечно, различны, но наше логическое сознаніе совершенно едино. Здѣсь, конечно, приходится мириться съ однимъ условіемъ всеобщности аксіомъ, а именно тѣмъ, что онѣ относятся къ абстрактнымъ построеніямъ. Особенность эта вытекаетъ изъ слѣдующаго обстоятельства; въ наукѣ нѣтъ спора о вещахъ, относящихся къ абстракту. Здѣсь все зависитъ только отъ построенія системы. Наоборотъ, всякій разъ, когда мы высказываемъ что либо относящееся къ конкретному, мы постоянно имѣемъ дѣло со спорами. Дѣйствительно мы различаемъ науки двухъ типовъ - абстрактныя и конкретныя. Первыя, какъ, напр., математическія, оперируютъ съ

законами противорѣчія, и никто съ математическими принципами серьезно не споритъ. Но мы постоянно споримъ объ исторіи, споримъ объ извѣстныхъ конкретныхъ отношеніяхъ естественныхъ наукъ. Этотъ споръ можно рѣшить въ томъ смыслѣ, что будемъ считать самыя аксіомы абстрактными установленіями. Что же касается тѣхъ общихъ положеній, которыя лежатъ въ основѣ конкретныхъ наукъ, то они не имѣютъ той логически необходимой достовѣрности, какую заключаютъ въ себѣ аксіомы - они суть постулаты. Постулаты же, въ противоположность аксіомамъ, суть такія положенія, которыя невозможно далѣе ни обосновывать и выводить, ни принимать, какъ непосредственно и необходимо достовѣрныя, но ихъ достовѣрность все же допускается, только изъ иныхъ основаній: не въ силу логической необходимости, а въ силу общихъ психологическихъ мотивовъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ПОНЯТІЙ.

При изслѣдованіи понятій мы натолкнулись на вопросъ объ ихъ логическомъ совершенствѣ, т.е. о томъ, какъ пользоваться ими для того, чтобы достигнуть истины въ широкомъ смыслѣ слова. Такъ какъ вопросъ о томъ, что истинно или неистинно, какъ мы уже говорили, начинается съ сужденія, то очевидно, что намъ прежде всего необходимо познакомиться съ тѣмъ, какую роль играютъ понятія въ сужденіяхъ. Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы можемъ подходить съ двухъ сторонъ. Мы знаемъ, съ одной стороны, что понятія вырабатываются въ процессѣ сужденій и являются, слѣдо-

вательно, какъ продукты сужденій. Далѣе мы накопляемъ эти понятія и говоримъ, что это есть научная работа, что система понятій - это система науки. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, понятія, сравнительно съ сужденіями, играютъ роль р а с ш и р я ю щ и х ъ наше знаніе. Но если мы, съ другой стороны, обратимся къ фактическому анализу научной работы, мы должны будемъ убѣдиться, что понятія играютъ не только эту роль, не только расширяютъ наши сужденія, но онѣ часто являются еще орудіемъ сужденія, являются тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго мы осуществляемъ свои научныя цѣли. Поскольку понятія являются средствомъ сужденія, постольку они могутъ оцѣниваться съ точки зрѣнія того, какъ мы можемъ достигать истины. Мы можемъ спрашивать себя, въ какой мѣрѣ тѣ или иныя понятія способствуютъ достиженію истины въ томъ случаѣ, если мы условимся что мы будемъ разумѣть подъ истиной. Нѣкоторые опредѣляютъ истину такимъ образомъ, говоря, что истина это есть соотвѣтствіе дѣйствительности, и орудіемъ истины, слѣдовательно, будетъ то понятіе, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но поскольку мы говоримъ, что понятіе есть средство для достиженія опредѣленной цѣли, то мы, очевидно, должны нѣсколько измѣнить это опредѣленіе и сказать, что за осуществленіе истины мы принимаемъ достиженіе извѣстной цѣли. Вопросъ объ истинности или неистинности понятія, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія есть вопросъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи даннаго средства достигаемой цѣли. По существу, конечно, не трудно увидѣть связь между этими двумя опредѣленіями истины. Именно.

когда мы говоримъ, что понятіе истинно, если оно соотвѣтствуетъ предмету, то вѣдь мы въ сущности въ познаніи этого предмета и полагаемъ свою цѣль. Опредѣленіе истины, какъ соотвѣтствія дѣйствительности, лишь болѣе узко: оно указываетъ прямо на наличность предметовъ, на то, что предметъ долженъ быть познанъ; во второмъ опредѣленіи мы говоримъ нѣсколько шире: мы ставимъ извѣстную цѣль и затѣмъ стремимся къ ея осуществленію.

Здѣсь, безъ сомнѣнія, возникаетъ вопросъ, можно ли говотить о познаніи предметовъ, о достиженіи цѣли, которую мы себѣ поставляемъ, если мы будемъ совершенно игнорировать познающаго субъекта. Вѣдь, всякій предметъ, о которомъ идетъ рѣчь въ познаніи, есть продуктъ какъ нѣкотораго воздѣйствія извнѣ, такъ и нѣкотораго воздѣйствія со стороны познающаго субъекта; слѣдовательно, для того, чтобы совершенно выяснить роль понятія въ познаніи, мы, очевидно, должны разсмотрѣть и роль субъекта въ образованіи понятій и роль предмета, съ которымъ должно согласоваться понятіе. Но мы уже знаемъ, что поскольку мы будемъ разсматривать понятіе съ точки зрѣнія функцій самого субъекта, мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія не логики, а теоріи познанія. Въ логикѣ же мы должны постараться найти такую точку зрѣнія, которая давала бы намъ возможность говорить о понятіи, какъ объ орудіи достиженія истины, совершенно отвлеченно отъ субъекта, т.е. совершенно объективно. Возможность эту мы получимъ только тогда, если мы не будемъ оцѣнивать цѣли, которыя мы ставимъ познанію, а будемъ допускать, что всякая цѣль, научная ли философская или житейская, является совершенно правомѣр-

ной. Въ этомъ случаѣ намъ остается для разсмотрѣнія только одинъ вопросъ, а именно какъ же относится данное понятіе, какъ средство, къ данной цѣли. Такое разсмотрѣніе понятій и будетъ единственно логическимъ разсмотрѣніемъ. Очевидно, что это логическое разсмотрѣніе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто формальнымъ, потому что мы совершенно не принимаемъ вопроса о томъ, есть ли какое либо соотвѣтствіе между нашими понятіями и нѣкоторыми матеріальными предметами. Если мы теперь станемъ на эту логическую точку зрѣнія, то для насъ станутъ сами собою ясны тѣ задачи, которыя должно разрѣшить понятіе, и тѣ требованія, которымъ оно должно удовлетворять. Задачи эти, собственно, основываются только на тѣхъ законахъ мышленія, о которыхъ мы говорили выше. Въ самомъ дѣлѣ, если я пользуюсь какимъ нибудь понятіемъ, какъ орудіемъ для достиженія цѣли, то совершенно ясно, что посколько постоянна эта цѣль, постолько должно быть постояннно и орудіе. Отсюда вытекаетъ и первое требованіе, которое мы должны предъявлять къ понятіямъ, а именно: научное понятіе необходимо должно быть понятіемъ п о с т о я н н ы м ъ. Въ обыденной жизни мы часто оперируемъ съ понятіями, несмотря на то, что они остаются неясными, смутными, обыденное сознаніе пользуется, иногда съ большимъ успѣхомъ, понятіями, не проводя рѣзкой грани между однимъ и другимъ. Въ наукѣ, однако, такія расплывчатыя, неясныя понятія совершенно недопустимы. Мало того, когда наука пользуется понятіемъ, какъ средствомъ, она хочетъ, чтобы оно было не только устойчивымъ, постояннымъ по своему содержанію, но чтобы оно отличалось ясностью и отчетливо-

стью, чтобы можно было въ каждый моментъ перечислить всѣ признаки, характеризующіе данное понятіе, т.е. всѣ тѣ признаки, которыми именно данное понятіе отличается отъ всякаго другого. Вотъ посколько мы можемъ говорить объ устойчивыхъ и ясныхъ понятіяхъ, постолько мы будемъ говорить о научныхъ понятіяхъ. Здѣсь нужно обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое обычно игнорировалось въ логикѣ и игнорируется часто въ философіи и по сіе время, а именно на то, что всѣ наши знанія далеко не однородны въ смыслѣ степени ихъ достовѣрности. Когда мы разсматривали раздѣленіе Канта на сужденія аналитическія и синтетическія, мы какъ бы приняли ту точку зрѣнія, что наше сужденіе либо расширяетъ наше знаніе, либо только поясняетъ. Въ дѣйствительности, принявъ такое раздѣленіе, мы допустили бы ошибку, такъ какъ этимъ бы мы констатировали, что существуютъ только ясныя знанія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ знанія имѣются самыхъ разнородныхъ степеней. Задачей логики и является - показать совокупность такихъ пріемовъ, съ помощью которыхъ мы могли бы неясныя знанія поднять до степени ясныхъ.

Мы классифицировали понятія, указали различные виды и группы понятій. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, всякая ли группа понятій можетъ одинаково разсматриваться, какъ орудіе нашего познанія, а если нѣтъ, то что же въ понятіи превращаетъ его въ орудіе познанія? Когда мы говорили объ абстрактныхъ и конкретныхъ понятіяхъ, мы замѣтили, что выраженіе это не совсѣмъ вѣрное, что правильнѣе было бы говорить: „понятіе, относящееся къ абстрактнымъ предметамъ", или „понятіе, относящееся

къ конкретнымъ предметамъ, когда мы говорили о понятіяхъ раздѣлительныхъ и коллективныхъ, мы также утверждали,

что правильнѣе было бы говорить. о „раздѣлительномъ смыслѣ" понятіи, о „коллективномъ смыслѣ" понятій. Слѣдовательно, не сами по себѣ понятія здѣсь выступаютъ въ нашемъ сознаніи, а нѣчто къ нимъ присоединяющееся. Если мы обратимъ вниманіе на то, что мы опредѣляли общія понятія, какъ относящіяся къ большей или меньшей группѣ предметовъ, то рѣшеніе вопроса станетъ ясно: не общія понятія сами по себѣ, какъ общія, суть орудія науки, а абстрактныя, конкретныя и всякія другія понятія станутъ орудіемъ науки постольку, поскольку мы ихъ можемъ разсматривать, какъ общія. Отсюда и возникло въ логикѣ то ученіе, что только общія понятія и общія сужденія выражаютъ необходимыя истины. Но мы говорили, что собственно общее понятіе не всегда противопоставляется частному; что понятіе о частномъ и общемъ есть понятіе относительное: то, что обще по отношенію къ одному понятію, по отношенію къ другому является частнымъ. Всѣ понятія въ смыслѣ общности какъ бы располагаются лѣстницей. Мы можемъ восходить по ней отъ самаго частнаго къ самому общему и, наоборотъ, отъ самаго общаго къ самому частному... Во всякомъ случаѣ, поскольку наука оперируетъ съ понятіемъ она просто допускаетъ ихъ общность, или въ крайнемъ случаѣ устанавливаетъ эти отношенія общности... Такъ, напр., въ естествознаніи мы постоянно встрѣчаемся съ такими выраженіями, какъ родъ, видъ, группа, классъ. Мы говорили, что большая или меньшая общность понятія зависитъ отого, отно-

сится ли оно къ большей или меньшей группѣ предметовъ, причемъ съ этимъ необходимо связано и количество признаковъ, характеризующихъ понятіе: чѣмъ къ большей группѣ предметовъ относится понятіе, тѣмъ меньше оно имѣетъ признаковъ. Поскольку понятіе, какъ орудіе познанія должно быть устойчивымъ, яснымъ и раздѣльнымъ, мы, очевидно должны перечислить его признаки, т. е. раскрыть понятіе со стороны его содержанія, а также указать всѣ предметы, входящіе въ данное понятіе, т.е. раскрыть его объемъ. Тѣ пріемы, съ помощью которыхъ логика дѣйствительно устанавливаетъ ясность понятій и ихъ постоянство,- и суть именно раскрытіе содержанія понятія, которое носитъ въ логикѣ названіе о п р е д ѣ л е н і я, и раскрытіе объема - д ѣ л е н і е понятій.

Если мы теперь станемъ опредѣлять понятіе, т.е. дѣйствительно перечислять его признаки, то закончится ли когда нибудь наша работа опредѣленія каждаго понятія? Вѣдь понятіе, если оно относится даже къ одному предмету, имѣетъ такое громадное количество признаковъ, которое едва ли когда-нибудь возможно исчерпать. На самомъ дѣлѣ, весь научный прогрессъ есть не что иное, какъ раскрытіе понятій въ этомъ смыслѣ, каждый шагъ науки впередъ есть прибавленіе новаго признака къ понятію. Содержаніе понятій поэтому является какъ бы совершенно неустойчивымъ, и опредѣленіе понятій, слѣдовательно, становится какъ бы невозможнымъ, становится идеаломъ, который мы даже не имѣемъ права себѣ ставить, если вѣримъ въ прогрессъ науки. Такія замѣчанія часто раздавались по адресу нашихъ понятій, но едва ли

они вѣрны, уже прежде всего потому, что здѣсь игнорируется раздѣленіе предметовъ на абстрактные и конкретные. Абстрактное опредѣленіе измѣниться не можетъ, конкретное опредѣленіе можетъ безспорно мѣняться, къ нему мы можемъ прибавлять новые признаки, можемъ даже мѣнять признаки, можемъ ошибаться въ установленіи признаковъ. Этимъ и отличаются двѣ группы наукъ.

Но собственно логика и не требуетъ вовсе, чтобы опредѣленіе понятія необходимо было перечисленіемъ всѣхъ его признаковъ. Напротивъ изъ того факта, что рѣчь здѣсь идетъ, главнымъ образомъ, о понятіяхъ общихъ, само собою вытекаетъ одно требованіе логики, которое въ высшей степени упрощаетъ задачу опредѣленія. Вѣдь каждое общее понятіе занимаетъ опредѣленное мѣсто въ системѣ понятій, а потому для логики, собственно, было бы совершенно достаточно, если бы мы могли указать это мѣсто. Если данное понятіе относится къ опредѣленному роду, а родъ намъ извѣстенъ, тогда намъ нужно было бы только указать тотъ признакъ, который дѣлаетъ это понятіе видомъ по отношенію къ данному роду. Такой признакъ мы называемъ видовымъ различіемъ. Слѣдовательно, опредѣлить понятіе съ точки зрѣнія логики, это значитъ указать его видовое различіе, прибавивъ его къ данному родовому понятію. Когда мы говоримъ, что „логика есть наука", мы указываемъ, что логика есть видъ по отношенію къ роду болѣе общему, роду „наукъ", но это, конечно, еще не опредѣляетъ вполнѣ понятіе. Когда же мы говоримъ, что „логика есть наука о наукахъ", мы прибавляемъ видовое различіе... Конечно, можетъ случиться, что всякій разъ, какъ я буду указывать на

родовое понятіе по отношенію къ данному понятію, оно само по себѣ будетъ неясньмъ, и спрашивающій будетъ требовать опредѣленія каждаго родового понятія. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ: „логика есть наука", меня могутъ спросить, но что же такое наука? Тогда, очевидно, передъ мною стоитъ задача указать нѣчто болѣе общее по отношенію къ наукѣ. Я скажу, что это есть знаніе, которое отличается отъ знанія вообще такими признаками, какъ систематичность, опредѣленный методъ и т.д. Этотъ отвѣтъ опять-таки можетъ не удовлетворить спрашивающаго. Вѣдь нерѣдко споры заходятъ такъ далеко, что требуютъ опредѣленія каждаго слова.

Здѣсь, естественно, возникаетъ вопросъ, гдѣ же границы опредѣленію, и есть ли такія границы. На это можно сказать, что изъ самого существа опредѣленія ясно вытекаютъ двѣ его границы: если общія понятія располагаются въ видѣ лѣстницы, то наверху ея должно стоять, очевидно, наиболѣе общее понятіе. Это понятіе мы называемъ „категоріей". Какъ его опредѣлить? Мы говоримъ, что опредѣлить, это значитъ найти родъ по отношенію къ данному понятію и прибавить видовое различіе. Но если мы дошли до самаго общаго понятія, общѣе котораго нѣтъ, то, очевидно, что мы не можемъ найти для него родъ, что оно является послѣднимъ. Если, напримѣръ, я дошелъ до такого опредѣленія какъ „мыслимость", то ясно, что здѣсь никакое опредѣленіе невозможно и что здѣсь собственно рѣчь идетъ уже не объ опредѣленіи понятія, а о словѣ, которымъ мы могли бы замѣнить данное. Въ этомъ случаѣ для возможности дальнѣйшаго разсужденія мы или ставимъ себѣ

условіе, (говоря, „условимся называть то-то такъ-то"), или мы оперируемъ съ такъ называемой непосредственной очевидностью. Если мы теперь станемъ спускаться внизъ по нашей лѣстницѣ понятій, исходя отъ наиболѣе общихъ къ наиболѣе частнымъ, - мы можемъ натолкнуться на индивидъ, и должны будемъ указать на отдѣльный, совершенно единичный предметъ. Какъ опредѣлить такого рода понятіе? Милль остроумно замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ лучшимъ опредѣленіемъ является указательный палецъ. Дѣйствительно, здѣсь остается только показать. Въ этомъ показаніи предполагается точно также нѣкоторая очевидность, очевидность воспріятія. Въ обоихъ случаяхъ мы, такимъ образомъ, сталкиваемся съ вопросомъ о томъ, какъ оправдать непосредственную очевидность. Но сейчасъ этотъ вопросъ не входитъ въ нашу задачу, намъ сейчасъ важно только замѣтить, что опредѣленіе само себѣ какъ бы полагаетъ границы, съ одной стороны въ категоріяхъ, съ другой стороны, въ понятіяхъ индивидуальныхъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ опредѣленіи, слѣдуетъ остановиться еще на одномъ вопросѣ. Вѣдь тѣ понятія, которыя выступаютъ въ наукѣ какъ орудіе нашего познанія, выражаются обыкновенно въ формѣ словъ. Понятіе такъ тѣсно связано со словомъ, что, собственно, въ психологіи даже часто утверждали, что невозможно мыслить безъ словъ и совершенно невозможно себѣ представить такую науку, которая не выражалась бы въ словахъ. Понятіе такъ тѣсно связано со словомъ, что мы сплошь да рядомъ именно слова и анализируемъ. Отсюда въ логикѣ возникло стремленіе разсматривать наши опредѣленія, какъ опредѣленія двояка-

го типа: съ одной стороны, поскольку они направляются на самыя слова, которыя вѣдь тоже выступаютъ какъ орудіе познанія, съ другой стороны, поскольку они направляются на самое понятіе. Въ связи съ этимъ раздѣленіемъ намъ предстоитъ, значитъ, рѣшить вопросъ объ опредѣленіяхъ номинальныхъ, которыя даютъ опредѣленіе только слову, безразлично существуетъ предметъ или нѣтъ, и о реальныхъ опредѣленіяхъ, которыя опредѣляютъ понятія, вовсе не игнорируя вопросъ о томъ, существуетъ вещь или нѣтъ, а, напротивъ, прежде всего ставя вопросъ, соотвѣтствуетъ понятіе вещи или нѣтъ. Прежде всего посмотримъ имѣетъ ли это раздѣленіе отношеніе къ логикѣ. Я указалъ уже на то, что логикѣ, если она хочетъ разсматривать отношенія понятій формально, никакого нѣтъ дѣла до того, соотвѣтствуетъ понятіе вещи или нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ, который мы поставили, для логики собственно не существуетъ, и постольку всѣ опредѣленія ея номинальны. Для логики другихъ опредѣленій и быть не можетъ, если, конечно, она хочетъ остаться исключительно формальной наукой. Правда, здѣсь могутъ возразить, что собственно поскольку мы говоримъ о бытіи вещей - существуютъ различныя вещи или, вѣрнѣе, различное бытіе. Можно говорить о бытіи существующемъ и можно говорить о бытіи обстоящемъ. Можно говорить о бытіи нѣкоторой вещи, какъ конкретной вещи,- слѣдовательно, это будетъ вещное бытіе,- и можно говорить только о логическомъ бытіи,- это уже несомнѣнно не есть вещное бытіе, но бытіе математическихъ отношеній, фигуръ, тѣлъ,-. Въ логикѣ бытіе законовъ мышленія есть логическое. Можно сказать, что вопросъ о со-

отвѣтствіи съ дѣйствительностью есть также логическій вопросъ, такъ какъ если я самъ себѣ создалъ понятіе, то оно будетъ соотвѣтствовать. Съ этой точки зрѣнія можно было бы сказать, что всѣ опредѣленія реальны. Но для того, чтобы не вводить путаницы и въ особенности этого раздѣленія, которое не всегда вѣдь можно провести ясно, мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія, что логика все-таки имѣетъ дѣло исключительно съ номинальными опредѣленіями, т.е. слѣдовательно, она всегда имѣетъ задачей только раскрыть содержаніе даннаго слова, поскольку оно является для насъ выразителемъ или символомъ понятія. Поскольку мы опредѣляемъ что-нибудь не послѣ того, какъ мы изучили предметъ, а напередъ даемъ опредѣленіе, мы имѣемъ дѣло не съ опредѣленіемъ, а съ установленіемъ. Мы говоримъ: „условимся подъ понятіемъ тѣмъ-то разумѣть то-то". Условіе мы, конечно, можемъ допустить какое угодно, а потому и далѣе можемъ разсуждать, очевидно, чисто номинальными же условіями или установленіями. Но поскольку рѣчь идетъ объ опредѣленіи послѣ изученія, тогда уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что они могутъ быть только номинальными.

Заканчивая изложеніе того, что называется опредѣленіемъ, я приведу тѣ правила, которыми мы должны руководствоваться, чтобы опредѣленіе было правильнымъ. Логика устанавливаетъ нѣсколько такихъ правилъ, которыя по традиціи переходятъ изъ одного учебника въ другой. Среди нихъ наиболѣе существенную роль играетъ 1) то, которое требуетъ, чтобы всякое опредѣленіе было соразмѣрнымъ, т.е. которое требуетъ, чтобы дѣйствительно

были указаны всѣ признаки понятія, или поскольку мы говоримъ, что опредѣленіе есть указаніе рода и видового различія, установленіе этого правила требуетъ, чтобы родъ и видовое различіе были указаны совершенно точно. Такъ, напр., если я опредѣляю логику, какъ науку о наукахъ, я говорю, что здѣсь понятіе наука есть родъ по отношенію къ понятію логика. Но если бы я сказалъ, что логика есть знаніе о наукахъ, я сдѣлалъ бы неправильное опредѣленіе, а именно нарушилъ бы первое правило, потому что знаніе о наукахъ не есть научное знаніе, а это есть всякое знаніе. У каждаго человѣка есть какое нибудь знаніе о наукахъ, но его нельзя признать логикой. Опредѣленіе есть какъ бы уравненіе, всѣ члены котораго можно перенести изъ одной половины въ другую. Если мы опредѣляемое поставимъ на мѣсто того, что опредѣляетъ, и обратно, то все-таки должно остаться прежнее отношеніе. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: допустимъ, что мы сдѣлаемъ опредѣленіе, согласуясь съ этимъ правиломъ, сдѣлаемъ указаніе рода и вида, но что если данное понятіе относится къ двумъ видамъ и имѣетъ видовые признаки разные? Если я разсматриваю, напр., понятіе „человѣкъ", какъ объектъ естествознанія,- я дѣлаю одно опредѣленіе, если же я разсматриваю его, какъ объектъ психологіи,- антропологіи или съ практической точки зрѣнія, я даю другое, третье и т.д. опредѣленіе. Слѣдовательно, для одного и того же понятія, я указываю нѣсколько видовыхъ различій, и правило какъ будто нарушается. Недоразумѣніе это однако устраняется, если принять во вниманіе то опредѣленіе, которое мы дали понятію съ самаго нача-

ла, а именно, что понятіе слѣдуетъ разсматривать какъ орудіе для достиженія цѣли. Тогда естественно, что для разныхъ цѣлей требуется и разное орудіе.

2) Слѣдующее правило, которое устанавливаетъ логика, требуетъ, чтобы опредѣленіе не дѣлало круга, т.е. чтобы опредѣленіе не повторяло то же самое слово, которое мы должны опредѣлить. Въ одномъ учебникѣ ариѳметики, встрѣчается такое опредѣленіе величины: величина есть то, что можетъ увеличиваться или уменьшаться. Ясно, что здѣсь нарушено второе правило опредѣленія, такъ какъ здѣсь мы для опредѣленія пользуемся однимъ и тѣмъ же представленіемъ, выражающимся даже въ одномъ и томъ же словѣ.

3) Затѣмъ опредѣленіе не должно быть отрицательнымъ. Это правило само собою вытекаетъ изъ того раздѣленія понятій, гдѣ мы противополагали понятія противныя и противорѣчащія. Опредѣленіе не должно быть противорѣчащимъ понятію, потому что въ такомъ случаѣ никакого опредѣленія не будетъ. Если я скажу „логика не есть психологія", то этимъ вопросъ о томъ, что такое логика, совершенно не опредѣляется. Нѣкоторые, основываясь на этомъ правилѣ, протестуютъ иногда противъ опредѣленій, гдѣ выражены отрицательныя понятія. Это не совсѣмъ вѣрно: отрицательныя понятія не всегда суть понятія противорѣчащія. Можетъ быть такой случай, когда рѣчь идетъ о двухъ вещахъ, исключающихъ другъ друга, когда очевидно, что если я скажу, что этого качества нѣтъ, то я далъ уже вѣрное опредѣленіе. Такъ, напр., если мы скажемъ, что психическія явленія непротяженны, то это опредѣленіе будетъ вполнѣ точное. Въ самомъ дѣлѣ мы можемъ

мыслить явленія только въ двухъ формахъ,- времени и пространствѣ, и, отрицая наличность пространственныхъ отношеній, я, слѣдовательно, указываю на временныя.

4/ Слѣдующее правило требуетъ, чтобы опредѣленіе было точнымъ. Это значитъ, что мы не должны опредѣлять неизвѣстное намъ, черезъ другое неизвѣстное, не должны вводить въ наше логическое опредѣленіе образовъ, метафоръ. Въ одной „Психологіи" имѣется такое опредѣленіе задачъ психологіи: задача психологіи состоитъ въ томъ, чтобы познать экзотическіе плоды, растущіе на древѣ біологическои идеальности въ связи съ данными психопатологіи. Это опредѣленіе нарушаетъ именно четвертое правило, потому что каждое слово непонятно.

Всякое общее понятіе мыслится нами не только со стороны содержанія, но и со стороны объема, какъ нѣкій умственный образъ, который относится къ извѣстному количеству предметовъ. Здѣсь точно также, какъ и передъ опредѣленіемъ, можетъ возникнуть такая задача: перечислить всѣ предметы, которые относятся къ данному понятію. Очевидно, что и здѣсь логика должна указать какія-нибудь средства, которыя бы давали возможность произвести эту работу наиболѣе экономно. При опредѣленіи мы восходили отъ частнаго къ болѣе общему и присоединяли видовое различіе. При дѣленіи мы можемъ итти обратно, т.е. переходить отъ рода къ виду и перечислять просто виды. Необходимо различать собственно логическое дѣленіе отъ дѣленія въ другихъ смыслахъ, прежде всего отъ дѣленія въ физическомъ смыслѣ. Мы, напр., дѣлимъ карту Россіи на отдѣльныя губерніи, но будетъ

ли это логическое дѣленіе или нѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Это дѣленіе, которое можетъ быть названо физическимъ. Иногда физическое дѣленіе совпадаетъ съ логическимъ, и потому часто смѣшиваютъ ихъ, но теоретически они все-таки должны отличаться. Кромѣ того, есть еще нѣчто, что часто смѣшиваютъ съ дѣленіемъ или съ классификаціей. Такъ, напр., въ большинствѣ психологій мы встрѣчаемъ отдѣлъ подъ названіемъ „классификація психическихъ процессовъ", который содержитъ дѣленіе психическихъ процессовъ на явленія познанія, явленія чувства и явленія воли. Но на самомъ дѣлѣ дѣленіе это невѣрно логически, невѣрно даже и физически: здѣсь нѣтъ физическаго дѣленія, гдѣ одинъ предметъ отдѣляется отъ другого, и нѣтъ логическаго дѣленія, потому что всякій разъ при этомъ оговариваются, что въ сущности такого дѣленія произвести нельзя, что это только условно, относительно, что мы имѣемъ дѣло съ единствомъ душевной жизни. Поэтому такого рода дѣленіе нужно называть анализомъ. Анализъ, теоретическій, психологическій или метафизическій, не есть дѣленіе въ собственномъ смыслѣ слова. Логическое дѣленіе характеризуется прежде всего тѣмъ, что оно имѣетъ какой-нибудь признакъ, на основаніи котораго производится дѣленіе, въ анализѣ мы не можемъ указать такого признака. Признакъ въ логическомъ дѣленіи называется основаніемъ дѣленія, и онъ играетъ чрезвычайно существенную роль. Старая формальная логика пыталась найти для понятій, нѣкоторые постоянные признаки, которые называла существенными признаками, и въ связи съ этимъ установила правило брать въ основаніе дѣленія существенные признаки.

Такъ какъ мы теперь разсматриваемъ всѣ логическія процессы съ точки зрѣнія цѣлесообразности, то, очевидно, должны признать тотъ фактъ, что тотъ или иной признакъ, который мы приняли въ основаніе дѣленія долженъ быть провѣренъ сообразно данной цѣли, долженъ быть цѣлесообразенъ. Поэтому дѣленіе одного и того же понятія можетъ быть самымъ разнообразнымъ, въ зависимости отъ того, какую мы цѣль преслѣдуемъ. Напр., говорятъ, что если мы станемъ дѣлить книги на французскія, нѣмецкія, русскія или на книги по математикѣ, естествознанію, и т.д., то это правильно, потому что мы беремъ существенные признаки. Но если мы станемъ дѣлить книги по формату, то это неправильно, потому что это несущественный признакъ книги. Этотъ взглядъ кореннымъ образомъ невѣренъ, такъ какъ если признакъ формата книги несущественъ для занимающагося, то для библіотекаря, который выгадываетъ мѣсто у себя въ библіотекѣ, какъ разъ этотъ признакъ является самымъ существеннымъ. Итакъ, слѣдовательно, совершенно неважно, какой признакъ положенъ въ основаніе дѣленія, а главное, чтобы онъ соотвѣтствовалъ цѣли, которую мы себѣ поставили. Для правильности дѣленія точно также необходимо соблюдать рядъ правилъ. Одно правило мною уже названо: непремѣнно должно быть основаніе дѣленія, и основаніе это должно быть цѣлесообразно, или какъ раньше говорили, оно должно быть взято по существеннымъ признакамъ. Затѣмъ точно такъ же, какъ и опредѣленіе, дѣленіе должно быть адекватнымъ, т.е. оно должно дѣйствительно исчерпать всѣ предметы, входящіе въ данное понятіе. Такъ напримѣръ, если я скажу, что русскіе дѣ-

лятся на великоруссовъ и бѣлоруссовъ, то очевидно, что дѣленіе будетъ не адекватно. ' Затѣмъ члены дѣленія должны исключать другъ друга. Ошибка противъ этого правила называется перекрестнымъ дѣленіемъ. Напр., дѣленіе книгъ на интересныя и полезныя будетъ перекрестнымъ дѣленіемъ. Слѣдующее правило требуетъ, чтобы основаніе дѣленія было взято только одно. Мы не можемъ производить дѣленія по двумъ различнымъ признакамъ, иначе дѣленіе будетъ опять-таки перекрестнымъ. Слѣдующее правило говоритъ, что дѣленіе должно быть непрерывнымъ, т.е., слѣдовательно, если мы переходимъ отъ даннаго рода къ видамъ, а отъ видовъ къ подвидамъ, то намъ уже запрещается непосредственно отъ рода переходить къ подвидамъ. Если я скажу, что всѣ люди дѣлятся на людей черной и бѣлой расы, и потомъ скажу, что къ бѣлой расѣ относятся великороссы, малороссы и т.д., то очевидно, что я сдѣлаю ошибку противъ послѣдняго правила, такъ какъ я долженъ былъ указать націи, а потомъ эти націи уже раздѣлять на ихъ подвиды. Между прочимъ здѣсь необходимо обратить вниманіе на слѣдующее: въ то время какъ въ правилахъ опредѣленія мы говорили, что данное опредѣленіе нарушаетъ только одно правило,- въ дѣленіи всѣ правила между собою такъ тѣсно связаны, что разъ нарушается одно, то нарушаются и всѣ остальныя, именно потому, что все здѣсь зависитъ отъ характера основанія. Напр., если бы я раздѣлилъ всѣ книги на скучныя и безнравственныя, я тогда, очевидно, совершилъ бы дѣленіе ошибочное противъ перваго правила,- это было бы не адекватное дѣленіе. Во-вторыхъ, это было бы перекрестнымъ дѣленіемъ, ибо въ

основаніе положены разные принципы,- съ одной стороны впечатлѣніе, а съ другой принципъ воздѣйствія. Затѣмъ это дѣленіе не было бы и непрерывнымъ, потому что, если я установилъ классы, я долженъ былъ бы ввести какое нибудь промежуточное звено. Возьмемъ такой примѣръ, идущій еще изъ 17-го вѣка: „люди дѣлятся на дающихъ и берущихъ взаймы." Такъ какъ легко себѣ представить людей, которые не даютъ и не берутъ взаймы, то, очевидно, что это дѣленіе не адекватно; въ связи съ этимъ нарушеніемъ нарушаются и всѣ остальныя правила, такъ какъ они между собою связаны. Укажу еще на очень популярное, особенно въ Россіи, дѣленіе на идеалистовъ и позитивистовъ. Это дѣленіе нарушаетъ всѣ правила: 1) оно не адекватно, ибо кромѣ идеалистовъ и позитивистовъ могутъ быть другія направленія, 2) здѣсь перекрещивающееся дѣленіе, потому что можно быть позитивистомъ и въ то же время идеалистомъ. Я не пользуюсь тѣмъ правиломъ, что дѣленіе должно быть цѣлесообразнымъ, предполагая во всѣхъ этихъ примѣрахъ, что эта цѣль уже есть, а разъ правила нарушены, то разумѣется цѣль не достигается. Для того, чтобы избѣжать ошибокъ въ дѣленіи, иногда предлагаютъ пользоваться весьма простымъ пріемомъ, который носитъ названіе дихотоміи, а именно дѣлить понятія такъ, чтобы они вступали другъ за другомъ, какъ понятія противорѣчащія. Тогда очевидно не можетъ быть никакихъ ошибокъ, потому что, разъ мы беремъ понятія, взаимно исключающія другъ друга, то здѣсь, очевидно, не можетъ быть ничего третьяго, по третьему закону мышленія. Допустимъ, что мы бы стали дѣлить всѣхъ людей на бѣлыхъ и небѣлыхъ, и

потомъ бѣлыхъ на русскихъ и не русскихъ,- это дѣленіе было бы совершенно точно. Дихотомія, такимъ образомъ, имѣетъ нѣкоторыя преимущества, и главнымъ образомъ то, что здѣсь исключается возможность нарушить первое правило. Однако дихотомія имѣетъ и тотъ существенный недостатокъ, что отрицательное понятіе всегда остается неопредѣленнымъ, а потому и самое дѣленіе получаетъ какой-то неопредѣленный характеръ. Кромѣ того при дихотомическомъ дѣленіи возможенъ всегда кругъ, который при небольшомъ количествѣ дѣленія легко отыскать, но при большомъ оказывается незамѣтнымъ. Такъ напр., будемъ разсуждать такимъ образомъ: всѣ люди дѣлятся на бѣлыхъ и не бѣлыхъ, бѣлые дѣлятся на европейцевъ и не европейцевъ, европейцы дѣлятся на французовъ и не французовъ, французы дѣлятся на католиковъ и не католиковъ, католики дѣлятся на бѣлыхъ и чернокожихъ. Слѣдовательно, мы опять вернулись къ тому, съ чего мы начали. Такой кругъ конечно слишкомъ быстро закончился, и потому замѣтенъ, но при большомъ дѣленіи человѣкъ всегда можетъ такимъ образомъ вернуться къ тому, съ чего началъ. Поэтому это дѣленіе можетъ имѣть значеніе только эвристическое или вѣрнѣе эвристическое. Такъ, если въ спорѣ намъ необходимо послѣдовательно провести свою мысль, то этимъ способомъ можно воспользоваться, такъ какъ это дѣленіе неопровержимо.

КРИТИКА СИЛЛОГИЗМА.

Ученіе объ умозаключеніи *) занимаетъ въ логикѣ исключительное положеніе. Вся почти логика есть ученіе о выводахъ, которое является въ этомъ смыслѣ конечнымъ вопросомъ формальной логики. Съ другой стороны это ученіе является тѣмъ основаніемъ, на которомъ строится зданіе методологіи. Обычно, когда рѣчь идетъ о логическихъ методахъ, которыми пользуются въ наукѣ, то различаютъ методъ индуктивный и методъ дедуктивный. Въ связи съ этимъ раздѣленіемъ возникаютъ сейчасъ же два вопроса: прежде всего, какую цѣнность имѣетъ каждый изъ этихъ методовъ для научной работы, а затѣмъ возникаетъ вопросъ собственно уже о классификаціи этихъ методовъ. Казалось бы, что вопросъ о цѣнности того или другого метода могъ быть разрѣшенъ послѣ классификаціи методовъ. Но исторически всегда было наоборотъ: всегда прежде всего интересовались вопросомъ о цѣнности. И намъ раціональнѣе всего итти этимъ же путемъ, потому что имъ мы послѣдовательно подойдемъ къ тому ученію о методахъ, которое заключаетъ въ себѣ современная логика. Когда противопоставлялась индукція дедукціи, дедукція принималась всегда какъ ученіе о силлогизмахъ, а индукція разсматривалась, какъ новый принципъ, совершенно противоположный дедукціи. Индукція разсматривалась, какъ методъ, который свободенъ отъ тѣхъ ошибокъ, которыя есть въ силлогизмахъ, методъ, который освобождалъ отъ

---

*) *Ученіе формальной логики объ умозаключеніи см. „Учебникъ логики" Челпанова.*

прежняго схоластическаго мышленія, связаннаго съ силлогизмомъ. Естественно, что индукція установилась сразу не только какъ положительное ученіе, но и какъ критика силлогизма; и, собственно, положительное развитіе дальнѣйшаго ученія объ индукціи всегда основывалось на критикѣ силлогизма. Поэтому вполнѣ естественно будетъ разсмотрѣть тѣ критическія замѣчанія, которыя были направлены противъ силлогизма. Первый же, кто училъ объ индукціи въ современномъ намъ смыслѣ слова, Бэконъ, направилъ орудіе своей критики противъ силлогизма. Критика Бэкона, съ нашей точки зрѣнія, носитъ слишкомъ поверхностный и внѣшній характеръ, такъ какъ она исходитъ не изъ сути силлогизма. Однако тѣ аргументы, которые приводилъ Бэконъ, преобладаютъ въ значительной степени и до сихъ поръ. Бэконъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: для того, чтобы построить какое нибудь положительное знаніе, въ частности положительное ученіе о методахъ, необходимо освободить нашу науку и наше разсужденіе отъ тѣхъ ошибокъ, которыя введены схоластикой, въ частности, слѣдовательно, силлогизмомъ. Наибольшія заблужденія, съ которыми приходится имѣть дѣло человѣческому уму, проистекаютъ оттого, что мы не умѣемъ правильно пользоваться словами. Слова, по мнѣнію Бэкона, съ двухъ сторонъ являются источникомъ ошибокъ: съ одной стороны, каждое слово выражаетъ мысль неадекватно, т.е. выражаетъ только часть ея. Съ другой стороны, если я не заинтересованъ въ истинѣ, я могу свою мысль выразить такъ, что она будетъ только производить впечатлѣніе истины, а не будетъ ею. Далѣе разсужденіе Бэкона сводится къ слѣдующему: силлогизмъ это въ

концѣ концовъ отношеніе нѣкоторыхъ фразъ. Фразы составляются изъ словъ, а слова постоянный источникъ заблужденій, намѣренныхъ или ненамѣренныхъ, слѣдовательно, силлогизмъ является постояннымъ источникомъ ошибокъ. Поэтому Бэконъ настаиваетъ, что силлогизмъ есть совершенно непригодное орудіе для доказательства и научнаго изслѣдованія. Не трудно сейчасъ же замѣтить слабое мѣсто въ разсужденіяхъ Бэкона. Прежде всего, если рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о словахъ, то постараемся, чтобы наши слова давали точное выраженіе мысли, точное опредѣленіе, и тогда, слѣдовательно, они явятся достаточнымъ орудіемъ. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для доказательства своей мысли Бэконъ строитъ самый правильный силлогизмъ. (Слова - источникъ заблужденій. Силлогизмъ - ни что иное какъ слово. Силлогизмъ - источникъ заблужденій). Конечно, это формальная сторона дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень характерная, ибо какъ разъ, помимо желанія Бэкона, указываетъ на то, что силлогизмъ дѣйствительно можетъ являться орудіемъ нашей мысли.

Болѣе существенными являются тѣ возраженія, которыя, вслѣдъ за Бэкономъ, дѣлаетъ другой представитель эмпирической англійской философіи, Джонъ Локкъ. Онъ болѣе всесторонне разсматриваетъ силлогизмъ, сопоставляетъ его съ нашимъ процессомъ разсужденія вообще и старается доказать, что силлогизмъ вовсе не занимаетъ такого почетнаго мѣста, какое ему отводилось сторонниками формальной логиии. Для Локка силлогизмъ интересенъ какъ орудіе нашего разума, какъ средство, которымъ мы пользуемся для достиженія извѣстной цѣли, поставляемой нашимъ разумомъ.

Но тогда, очевидно, мы должны поставить передъ собой болѣе широкій вопросъ, а именно, какъ вообще разумъ достигаетъ своей цѣли. Если мы будемъ знать пути разума, тогда и увидимъ, какое мѣсто среди нихъ занимаетъ силлогизмъ, и тога будетъ легко отвѣтить на вопросъ о цѣнности его. Путемъ тщательнаго анализа Локкъ намѣчаетъ 4 ступени, которыя выражаютъ дѣятельность нашего разума. Прежде всего разумъ начинаетсъ съ того, что онъ отыскиваетъ или открываетъ различныя доказательства. На этой первой ступени, слѣдовательно, разумъ стремится къ установленію различныхъ положеній и выбору тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ пригодиться... На второй стадіи онъ старается собранныя положенія расположить такимъ образомъ, чтобы ихъ связь и взаимныя отношенія были совершенно ясны. Затѣмъ, разумъ переходитъ къ третьей стадіи, гдѣ ему нужно добиться того, чтобы эта связь имъ самимъ и всякимъ другимъ воспринималась ясно. Эту стадію Локкъ формулируетъ, какъ воспріятіе. Связь, которая устанавливается на этой стадіи не просто механическая, а расположеніе извѣстныхъ положеній такъ, чтобы оно помогло улавливать ихъ внутренній смыслъ. Завершается эта работа тѣмъ, что мы улавливаемъ внутреннюю связь этихъ положеній, и тогда сами собой приходимъ къ заключенію. Очевидно, что силлогизмъ не можетъ играть роли ни въ первой стадіи, ни во второй,.и только третья стадія, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о раскрытіи связи между доводами,есть собственно область силлогизма, потому что силлогизмъ именно и старается установить отношеніе между двумя посылками. Оказывается, такимъ образомъ, что силлогизмъ занимаетъ весьма скромное мѣсто

въ общей дѣятельности нашего разума, а если это такъ, то, конечно, сейчасъ же появляется сомнѣніе и вообще въ той роли, которая приписывалась силлогизму раньше. Дѣйствительно, Локкъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что наша душа, какъ онъ выражается, можетъ воспринимать ту связь, которая раскрывается съ помощью силлогизма, и совершенно помимо его. Вѣдь, навѣрное, существуютъ гдѣ нибудь въ Азіи или Африкѣ люди, которые никакого представленія о силлогизмѣ не имѣютъ, и тѣмъ не менѣе они получаютъ совершенно правильные выводы. Но если даже откинуть Азію и Африку, то вѣдь и до Аристотеля жили люди. Неужели же эти люди не могли улавливать связи между сужденіями, не могли дѣлать выводовъ, которые послѣ Аристотеля стали дѣлать съ помощью силлогизма? Онъ заканчиваетъ свое разсужденіе такимъ образомъ: „Богъ не такъ скупъ, чтобы предоставить одному только Аристотелю возможность соединять два сужденія въ разумное сужденіе", и, затѣмъ, уже въ совершенно ироническомъ тонѣ подводитъ итогъ своему разсужденію и старается доказать, что въ обыкновенной жизни сплошь и рядомъ мы дѣлаемъ заключеніе, не прибѣгая совершенно къ помощи силлогизма. Онъ приводитъ такой примѣръ: скажите деревенской барынѣ, что дуетъ юго-западный вѣтеръ, пасмурно, идетъ дождь, и она послѣ лихорадки не выйдетъ въ легкомъ платьѣ на улицу. И это будетъ совершенно правильный выводъ, который сможетъ сдѣлать и человѣкъ, искушенный въ силлогизмахъ, но если бы эта барыня попробовала дѣлать выводы на основаніи законовъ логики, она навѣрно запуталась бы въ разсужденіяхъ. Онъ приводитъ еще рядъ подобныхъ примѣровъ для то-

го, чтобы окончательно убѣдить насъ въ томъ, что если силлогизмъ и есть способъ вывода, то во всякомъ случаѣ это не есть лучшій способъ. Кромѣ того, говоритъ Локкъ, если мы будемъ разсматривать силлогизмъ съ точки зрѣнія формальной критики, то мы должны признать, что тѣ формы силлогизмовъ, которыя указываются логикой, точно также могутъ быть обманчивы, какъ и обыкновенные практическіе жизненные выводы. Въ концѣ концовъ, по мнѣнію Локка, если бы мы спросили себя, почему мы полагаемъ, что эти выводы силлогизма безусловно вѣрны, то мы бы отвѣтили, что только потому, что мы въ этихъ выводахъ увѣрены. Слѣдовательно, есть какой то другой источникъ, благодаря которому мы получаемъ увѣренность въ нашихъ выводахъ. Этотъ источникъ сопровождаетъ наши сужденія и наши заключенія, которыя мы дѣлаемъ съ помощью силогизма. Въ такомъ случаѣ силлогизмъ, повидимому, не играетъ никакой роли. И дѣйствительно, по мнѣнію Локка, силлогизмъ представляетъ нѣкоторую цѣнность только для людей, искушенныхъ въ пользованіи имъ, и именно въ томъ смыслѣ, что онъ играетъ для нихъ роль очковъ. Искушенный въ силлогизмахъ носитъ, по выраженію Локка, силлогистическіе очки, черезъ которые онъ лучше видитъ. Если же онъ лучше видитъ черезъ нихъ, говоритъ снисходительно Локкъ, то отчего же не пользоваться ему этими очками. Но нельзя же заставлять носить очки и тѣхъ, которые видятъ истину и дѣлаютъ заключенія и безъ этихъ очковъ. Конечно, и противъ Локка можно привести много возраженій, но въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ слабость его аргументаціи очевидна сама собой.

Дѣло въ томъ, что если критиковать силлогизмъ, то критику нужно вести съ другой точки зрѣнія, на которую ни Бэконъ, ни Локкъ еще не встали, и на которую философы встали лишь значительно позже. Чтобы понять въ чемъ дѣло, я обращаю ваше вниманіе на то своеобразное положеніе ученія о выводахъ, о которомъ я говорилъ выше. Вѣдь, дѣйствительно, если ученіе о выводахъ, силлогизмы, претендуютъ на то, чтобы быть основаніемъ методологіи, тогда всякая ошибка, всякій промахъ въ силлогистическомъ построеніи, въ концѣ концовъ, приведутъ къ ошибкѣ въ методологіи. Слѣдовательно, къ критикѣ силлогизма мы должны подходить именно съ точки зрѣнія методологіи. Къ критическому разсмотрѣнію силлогизма со стороны методологіи впервые подходитъ до извѣстной степени Милль, и съ его критикой намъ поэтому уже приходится считаться. Милль ставитъ вопросъ такимъ образомъ: въ логикѣ главное наше вниманіе обращается на проблему доказательства. Логика разсматриваетъ силлогизмъ, какъ средство доказательства, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія мы и должны критиковать силлогизмъ. При кажущемся внѣшнемъ сходствѣ, принципъ постановки вопроса у Милля иной, чѣмъ у Локка. Разумъ, говоритъ Милль, открываетъ истины и доказываетъ ихъ. Открытіе истины можетъ происходить разнообразными путями, - путемъ строгой логической работы, путемъ интуиціи, можно даже случайно наткнуться на ту или другую истину. Это очень сложный вопросъ психологіи, вопросъ, интересный для исторіи науки, но это не есть логическій вопросъ. Логическій вопросъ начинается тогда, когда мы получаемъ тѣмъ или другимъ способомъ истину и начинаемъ ее

доказывать. Слѣдовательно, когда рѣчь идетъ о силлогизмѣ, мы его должны разсматривать, какъ орудіе нашей мысли, важное уже тогда, когда истина открыта. (Я, конечно, долженъ предупредить, что Милль поддерживаетъ свою точку зрѣнія логическими построеніями, въ которыхъ смѣшиваетъ вопросъ собственно логическій съ вопросомъ объ открытіи истины, или вопросъ эвристическій. Въ дѣйствительности, даже въ этомъ разсужденіи у него есть смѣшеніе, но постановка вопроса совершенно правильная). Силлогизмъ есть орудіе нашего доказательства. Если мы такъ поставимъ вопросъ, то мы должны условиться въ томъ, что мы будемъ считать доказательствомъ, или въ какомъ случаѣ какое нибудь научное положеніе или простое положеніе, нами высказываемое, считается доказаннымъ. По мнѣнію Милля, это происходитъ тогда, когда увѣренность въ истинѣ какого нибудь положенія вытекаетъ изъ какого либо другого положенія, въ которомъ мы уже увѣрены. Слѣдовательно, мы должны имѣть запасъ нѣкоторыхъ положеній, въ которыхъ мы совершенно увѣрены, и тогда сводить уже каждое новое положеніе къ этимъ провѣреннымъ для насъ знаніямъ, и такой процессъ мы будемъ считать процессомъ доказательства. Этотъ процессъ, очевидно, есть не что иное, какъ выводъ или заключеніе въ широкомъ смыслѣ слова. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, этотъ процессъ и есть силлогизмъ. Но всякій переходъ отъ одного сужденія къ другому можетъ называться выводомъ только тогда, когда онъ расширяетъ наши знанія, т.е. если онъ есть переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Есть ли силлогизмъ такой выводъ? Переходимъ ли мы въ силлогизмѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному?

Всѣ логики, говоритъ Милль, замѣчательно согласно требовали, чтобы мы, во всякомъ случаѣ, въ нашемъ заключеніи не брали какого либо термина силлогизма въ большемъ объемѣ, чѣмъ онъ намъ данъ. Но если мы въ заключеніи получаемъ лишь то, что было дано, и расширять это заключеніе мы не имѣемъ права, то слѣдовательно, (если мы будемъ съ чисто формальной стороны разсматривать силлогизмъ), перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному въ немъ нѣтъ, и ничего новаго силлогизмъ намъ не дастъ. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, силлогизмъ даже не есть выводъ.

Есть два взгляда на силлогизмъ, говоритъ далѣе Милль. Одни философы говорятъ, что, дѣйствительно, въ силлогизмѣ вывода нерѣдко не получается, но зато силлогизмъ есть орудіе анализа нашего вывода. Это есть правильный анализъ того, что совершается въ процессѣ доказательства. Другой взглядъ на силлогизмъ сводится къ тому, что въ силлогизмѣ заключается логическая ошибка, такъ называемая petitio principii, которая состоитъ въ томъ, что мы въ доказательствѣ пользуемся, между прочимъ, положеніями, изъ которыхъ мы исходимъ. Въ выводѣ мы получаемъ нѣчто новое, но то самое, что мы еще должны были доказать, или то, изъ чего мы исходили. Возьмемъ самый обычный силлогизмъ, какимъ пользуются въ логикѣ: „всѣ люди смертны, Сократъ человѣкъ, слѣдовательно, Сократъ смертенъ". Здѣсь есть логическая ошибка: чтобы доказать положеніе, что всѣ люди смертны, положеніе, изъ котораго мы исходили, мы уже должны были раньше знать, что Сократъ смертенъ, потому что иначе мы не могли бы говорить, что всѣ люди смертны. Слѣдовательно, либо

мы не могли говорить, что всѣ люди смертны, и тогда сдѣлать вывода нельзя, либо мы знали, что Сократъ смертенъ, и тогда ничего новаго не получается. Но Милль находитъ, что обѣ точки зрѣнія вѣрны на половину. Именно, если считать силлогизмъ доказательствомъ, то въ немъ дѣйствительно есть petitio principii: такъ какъ большую посылку мы должны почерпать изъ какого нибудь другого источника, то вполнѣ возможно, что источникъ будетъ тотъ самый, къ которому мы приходимъ. Но тѣмъ не менѣе можетъ быть и такой случай, когда въ нашемъ заключеніи будетъ содержаться и то, чего нѣтъ въ большой посылкѣ, и когда мы съ полнымъ довѣріемъ будемъ дѣлать выводъ, дѣйствительно расширяющій наши знанія. Онъ приводитъ такой примѣръ: Всѣ люди смертны, герцогъ Веллингтонъ (который жилъ въ ту пору) человѣкъ, слѣдовательно онъ смертенъ. Когда мы высказываемъ свое положеніе, что всѣ люди смертны, мы вовсе не знаемъ еще, что герцогъ Веллингтонъ мертвъ или живъ, но тѣмъ не менѣе мы получаемъ выводъ, гдѣ устанавливается нѣчто новое, а именно, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ. Возможны, слѣдовательно, такіе выводы, когда мы дѣйствительно получаемъ нѣчто новое, но только не надо разсматривать въ этомъ случаѣ силлогизмъ какъ доказательство. Но что же такое силлогизмъ, если онъ не есть доказательство? Для отвѣта на этотъ вопросъ Милль переходитъ къ разсмотрѣнію процесса вывода вообще и останавливается на томъ, что такое большая посылка. Если мы вовсе не знали, развиваетъ свою мысль Милль, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ, и тѣмъ не менѣе утверждали, что всѣ люди смертны, то мы утверждали боль-

ше чѣмъ знаемъ. Фактически мы должны были утверждать, что не всѣ люди смертны, но очень многіе люди смертны. Всѣ наши выводы, по мнѣнію Милля, дѣйствительно носятъ такой характеръ, т.е. они исходятъ не изъ общихъ посылокъ, а изъ частныхъ. Какой бы мы силлогизмъ не взяли, мы всегда будемъ переходить не отъ общаго къ частному, а отъ частнаго къ частному. Это мѣсто является центральнымъ мѣстомъ въ ученіи Милля, и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Что такое есть переходъ отъ частнаго къ частному? Представимъ себѣ самый простой процессъ заключенія, который мы встрѣчаемъ у ребенка. Ребенокъ протягиваетъ руку къ зажженной свѣчѣ, ему больно, онъ протягиваетъ второй разъ,- то же самое, наконецъ третій разъ онъ уже руку не протянетъ, такъ какъ напередъ знаетъ, что онъ будетъ испытывать боль. Мы не можемъ предположить, что въ умѣ ребенка совершается силлогистическій процессъ: всѣ свѣчи жгутъ, вотъ это - свѣча, слѣдовательно, этотъ предметъ меня будетъ жечь. Ребенокъ разсуждаетъ, конечно, такъ: раньше я протягивалъ руку къ свѣчѣ,и мнѣ было больно, вотъ опять свѣча, мнѣ опять будетъ больно. Когда онъ говоритъ, что раньше свѣчи его жгли, онъ устанавливаетъ нѣкоторое положеніе, но не общее. Ребенокъ не имѣетъ знанія о всѣхъ свѣчахъ, у него въ умѣ нѣтъ положенія „всѣ свѣчи", а просто свѣчи, съ которыми ему приходилось сталкиваться, т.е. нѣкоторыя. Слѣдовательно, ребенокъ заключаетъ такъ, какъ по правиламъ силлогизма нельзя заключать. Милль приводитъ и другой примѣръ. Онъ говоритъ, что на одной фабрикѣ былъ рабочій, который удивительно

удачно умѣлъ смѣшивать цвѣта для окраски матерій. Когда же хозяинъ захотѣлъ узнать пропорцію, въ которой онъ соединяетъ краски, то мастеръ никакъ не могъ открыть секрета, и вовсе не потому, что не хотѣлъ этого. Когда его спрашивали, сколько онъ беретъ краски, то онъ отвѣтить на вопросъ не могъ, а бралъ въ руки пригоршню и показывалъ, говоря что онъ просто рукой чувствуетъ сколько нужно той или другой краски. Этотъ процессъ умозаключенія очень далекъ отъ силлогизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы смѣло утверждать, что большинство нашихъ умозаключеній носятъ такой характеръ, т.е. мы больше чувствуемъ, чѣмъ разсуждаемъ логически. Можно, конечно, сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ опытомъ. Если рабочій переходитъ въ процессѣ своего разсужденія отъ частнаго къ частному, то у него есть нѣкоторый опытъ. Этотъ опытъ вызвалъ навыкъ, которымъ онъ и пользуется, но никакой всеобщности, никакихъ общихъ положеній здѣсь нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ такое же знаніе. Слѣдовательно, если это разсужденіе правильное, то ясно, что силлогизмъ, какъ выводъ, какъ доказательство никакой роли играть не можетъ.

Онъ можетъ имѣть значеніе только, если мы обратимъ вниманіе на вторую его сторону, т.е. если мы разсмотримъ его не какъ процессъ умозаключенія, а какъ своего рода замѣтки для памяти, какъ регистрацію. Другими словами рѣчь идетъ о томъ, что мы собрали извѣстное количество опытовъ и замѣчаемъ эти опыты у себя въ памяти въ видѣ нѣкоторыхъ общихъ положеній. Такъ напр., если я разъ наткнулся на свѣчу, второй разъ, тре-

тій, и онѣ меня жгли, то я дѣлаю въ памяти такую замѣтку: свѣчи жгутъ. Эта замѣтка является потомъ нѣкоторымъ положеніемъ, изъ котораго я исхожу. Въ сущности всѣ большія посылки силлогизмовъ суть не что иное, какъ замѣтки, которыя получаются изъ частныхъ фактовъ. Наше умозаключеніе, говоритъ Милль, есть заключеніе изъ забытыхъ фактовъ, оно есть выводъ, сдѣланный не и з ъ формулы, а с о о б р а з н о формулѣ. Между тѣмъ старое ученіе претендовало на то, чтобы мы и з ъ формулы дѣлали наши выводы. Силлогизмъ даетъ намъ лишь возможность, такъ сказать, читать наши собственныя мысли, но отнюдь не даетъ намъ вывода. Милль не отрицаетъ нѣкоторой цѣнности силлогизма. Силлогизмъ, по его мнѣнію, есть въ сущности нѣкоторый обходный путь, но путь, увѣряющій насъ въ томъ, что прямымъ путемъ мы пришли къ правильному заключенію. „Значеніе силлогистической формы и правилъ", говоритъ Милль, „въ томъ, что они даютъ намъ образецъ, по которому умозаключенія м о г у т ъ б ы т ь всегда построены и который прекрасно приспособленъ обнаруживать неосновательность заключенія, если оно неосновательно". Съ другой стороны, силлогизмъ имѣетъ значеніе практическое, какъ средство, облегчающее нашу научную работу. Вмѣсто того, чтобы постоянно держать въ головѣ громадное количество знаній, что эта свѣча жжетъ, другая свѣча жжетъ и т.д. я просто говорю, что всѣ свѣчи, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, жгутъ. Такія короткія положенія, которыя являются выводомъ изъ цѣлаго ряда опытовъ, облегчаютъ намъ память и весь процессъ научной работы.

Критическія замѣчанія, которыя можно сдѣлать по адресу ученія Милля о силлогизмахъ,сводятся къ слѣдующему: прежде всего бросается въ глаза, что Милль, критикуя силлогизмы, все время повторяетъ ошибку прежней формальной логики, ошибку, которая состоитъ въ томъ, что, по ея мнѣнію, всѣ наши умозаключенія дѣлятся на силлогизмы категорическіе, условные и раздѣлительные, т.е. силлогизмы дѣлятся по своимъ большимъ посылкамъ. Но вѣдь если мы разсматриваемъ выводы, какъ нѣкоторый новый процессъ, нѣкоторое новое образованіе по сравненію съ понятіемъ и съ сужденіемъ, то мы не можемъ критиковать его съ точки зрѣнія большей или меньшей посылки, съ точки зрѣнія сужденія, а должны внести нѣкоторую новую критику. Но и кромѣ того критика Милля направляется собственно на неправильное ученіе, а если бы мы правильно истолковали процессъ вывода, то эта критика оказалась бы не достигающей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если Милль обратилъ вниманіе на большія посылки, то почему онъ не придаетъ значенія малымъ? Вѣдь въ сущности вся суть и заключается въ малой посылкѣ. Когда я говорю, что „всѣ люди смертны", „Кай человѣкъ", весь вопросъ въ томъ, имѣю ли я право утверждать, что Кай-человѣкъ. Разъ я имѣю на это право, то силлогизмъ можетъ быть построенъ, а разъ я не имѣю на это права, то долженъ это доказать. Если же я,такъ или иначе, малую посылку установилъ, то, значитъ, дѣйствительно, во всемъ силлогизмѣ высказано нѣчто новое, потому что сказать, что Кай человѣкъ, по отношенію къ предшествующему „всѣ люди смертны", значитъ сказать нѣчто новое. Если я возьму извѣстный предметъ и скажу, что это

есть жидкій кристаллъ; здѣсь можно построить силлогизмъ: если я утверждаю, что всѣ кристаллы имѣютъ такіе то признаки, этотъ предметъ кристаллъ, слѣдовательно онъ имѣетъ такіе то признаки. Слѣдовательно, вся суть въ томъ, какъ установлено, что это кристаллъ. Вотъ тутъ то новое въ силлогизмѣ и заключается, и это новое есть малая посылка.

Въ ученіи Милля есть одна необычайно важная мысль, которую самъ Милль не особенно подчеркиваетъ, потому что не предвидѣлъ, что она будетъ позже использована. Мысль эта состоитъ въ томъ, что въ силлогизмѣ, по его мнѣнію, мы переходимъ отъ частныхъ положеніи къ частнымъ же, а не отъ общихъ къ частнымъ. Правда прежде думали, что индукція есть переходъ отъ частнаго къ общему, но совершенно общаго мы установить не можемъ. Въ результатѣ такимъ образомъ индукція и дедукція имѣютъ въ основѣ своей одно и то же - переходъ отъ частнаго къ частному. Я говорю, что это замѣчаніе имѣетъ огромную важность, если имѣть въ виду прежнее рѣзкое раздѣленіе индукціи и дедукціи, когда считали, что между ними нѣтъ ничего общаго. Основаніе для всѣхъ нашихъ сужденій одно. Нужно было отыскать это основаніе, и Милль его видитъ въ двухъ модусахъ первой фигуры силлогизма, т.е. Милль все-таки хочетъ найти это основаніе въ старомъ ученіи о силлогизмахъ. Это, конечно, до извѣстной степени правильно, но тутъ есть и одна ошибка, а именно Милль дѣлаетъ догматическое допущеніе, что источникомъ силлогизма, или основной, самой характерной формой, является силлогизмъ категорическій. Милль этого основанія критически не доказалъ. Но его заслуга уже въ томъ,

что онъ все-таки подошелъ къ тому вопросу, чтобы связать въ одно индукцію и дедукцію.

Другой представитель современной логики, Зигвартъ, во многихъ отношеніяхъ продолжаетъ работу Милля и даетъ ученіе, которое можно считать наиболѣе обоснованнымъ съ логической точки зрѣнія. Зигвартъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: поскольку рѣчь идетъ о процессѣ умозаключенія, мы какъ въ каждомъ критикуемомъ вопросѣ, можемъ подойти къ нему съ двухъ точекъ зрѣнія, съ практической и собственно логической. Съ точки зрѣнія практической мы говоримъ что у насъ есть нѣкоторая увѣренность въ истинности сужденія, а тамъ гдѣ изъ этой увѣренности вытекаетъ вѣра въ истинность другого сужденія, тамъ мы имѣемъ дѣло съ выводомъ. Отмѣчая увѣренность, онъ этимъ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстный чувственный тонъ, который сопровождаетъ нашъ процессъ умозаключенія. Задача психологіи и заключается въ томъ, чтобы показать, какъ вырабатываются у насъ умозаключенія, какую роль играютъ здѣсь чувствованія, какъ они протекаютъ, объяснить тѣ процессы, которые какъ будто бы не есть умозаключенія, но въ дѣйствительности даютъ выводы и т.д. Логика можетъ воспользоваться всѣмъ этимъ анализомъ, потому что здѣсь будетъ произведено нѣкоторое раздѣленіе выводовъ. Но если мы признали, что выводы бываютъ разные, мы должны выяснить вопросъ о цѣнности тѣхъ или другихъ выводовъ, т.е. какую цѣнность имѣетъ, напр., выводъ, который ведется отъ чистаго понятія, какую цѣнность имѣетъ выводъ, въ которомъ преобладаютъ эмоціи и т.д. Съ вопроса о цѣнности начинается задача логики. Вопросъ о цѣн-

ности по мнѣнію Зигварта сводится въ концѣ концовъ къ вопросу объ обоснованіи нашего сужденія. Пѣннымъ можно считать то сужденіе, которое обосновано съ логической точки зрѣнія, (здѣсь просто имѣется въ виду законъ достаточнаго основанія). Но если мы разсмотримъ тѣ пути, какими мы пользуемся для обоснованія сужденій, то увидимъ, что у насъ фактически имѣются только два пути: мы исходимъ отъ чего либо даннаго и задаемъ себѣ вопросъ, какія сужденія обосновываются даннымъ сужденіемъ, кѣмъ либо высказаннымъ или придуманнымъ нами самими, либо исходимъ не отъ даннаго , а отъ искомаго, и спрашиваемъ о томъ, какія сужденія обосновываютъ данное сужденіе. Въ первомъ случаѣ я отъ даннаго перехожу къ слѣдствіямъ, т.е., если я предполагаю, что есть нѣкоторое А, и если это А истинно, то въ связи съ этимъ я спрашиваю, какія будутъ еще С, В, и т.д., которыя будутъ истинными. Такимъ образомъ я думаю впередъ, расширяю свое знаніе. Но я могу сказать, что есть В, и затѣмъ могу задаться вопросомъ, истинно оно или нѣтъ? Я отвѣчаю на этотъ вопросъ, отыскивая его основаніе, т.е. отыскавъ то А, которое есть основаніе В. Я говорю, что если есть В., то оно возможно, если возможно А, возможно С. Нѣкоторыя гипотезы я исключаю. Основаніемъ А можетъ быть или В или С. Тутъ я долженъ предпринять новую работу для того, чтобы сказать, что это будетъ С, но придя къ этому выводу, я могу столкнуться съ вопросомъ, чѣмъ обосновывается С. Я опять долженъ выбирать, и такимъ образомъ моя работа можетъ тянуться до безконечности. Въ то время какъ въ первомъ случаѣ я исхожу изъ достовѣрнаго зна-

нія, потому что иду отъ основанія къ искомому,- во второмъ случаѣ я иду отъ искомаго къ основанію, т.е. имѣю дѣло съ предположеніями, только съ вѣроятностями. Если мы припомнимъ ученіе о гипотетическомъ силлогизмѣ, то увидимъ, что рѣчь идетъ о двухъ модусахъ условнаго силлогизма. Если мы переходимъ отъ утвержденія основанія къ слѣдствію, отъ отрицанія слѣдствія къ отрицанію основанія, мы получаемъ достовѣрный выводъ, если же мы переходимъ отъ утвержденія слѣдствія къ утвержденію основанія, то здѣсь мы или дѣлаемъ ошибку, или же мы должны допустить „либо". Въ такомъ случаѣ очевидно наше сужденіе остается только вѣроятнымъ. Такимъ образомъ это разсужденіе Зигварта показываетъ, что есть два пути: переходъ отъ даннаго къ его выводамъ и переходъ отъ вопроса къ его обоснованіямъ. Въ этомъ раздѣленіи нетрудно узнать индукцію и дедукцію. Изъ этого разсужденія вытекаютъ еще нѣкоторыя слѣдствія, которыя имѣютъ для насъ особое значеніе, а именно, основываясь уже на научныхъ гипотетическихъ силлогизмахъ, мы можемъ говорить, что всякій разъ, когда мы переходимъ отъ основанія къ слѣдствію, мы имѣемъ слѣдствіемъ всѣ утвердительные выводы, когда мы переходимъ отъ отрицательнаго слѣдствія къ отрицательному основанію, мы всегда имѣемъ отрицательные выводы. И тѣ и другіе мы признаемъ достовѣрными, потому что они соотвѣтствуютъ правиламъ формальной логики. Затѣмъ, когда мы переходимъ отъ слѣдствія къ основанію и дѣлаемъ нѣкоторое утвержденіе, мы получаемъ только вѣроятный выводъ. Такимъ образомъ въ каждомъ изъ опредѣленій мы получаемъ новыя задачи ме-

тодологіи. Изъ этого возникаютъ двѣ проблемы, - ученіе о достовѣрности и ученіе о вѣроятности. Возьмемъ конкретный примѣръ. Въ математикѣ, въ геометріи, мы переходимъ отъ основанія къ слѣдствіямъ. Основаніемъ у насъ являются аксіомы, все остальное есть лишь слѣдствія даннаго основанія... Въ исторіи наоборотъ, мы идемъ отъ вывода къ основанію. Когда мы имѣемъ передъ собою извѣстный историческій фактъ, намъ приходится имѣть дѣло только съ явленіями и годами, о ихъ причинахъ мы ничего вѣрнаго знать не можемъ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ имѣть дѣло съ причинами вѣроятными и невѣроятными. Въ противоположность достовѣрному, вѣроятность можетъ имѣть массу степеней. У меня есть слѣдующее разсужденіе: явленіе А вызвано или Х или У. Вѣроятность того, что это Х и вѣроятность того, что это У равна 1/2. Но если у меня не двѣ вѣроятныхъ причины, а 10, то, конечно, вѣроятность каждой изъ нихъ понизится, а при трехъ-четырехъ элементахъ мы можемъ имѣть дѣло уже съ сотнями причинъ. Въ соціальной жизни, напр., мы всегда сталкиваемся именно со слѣдствіями. Когда я задаюсь вопросомъ, какимъ фактомъ общественной жизни было вызвано появленіе того или иного историческаго документа, то я, очевидно, встрѣчаюсь съ большимъ количествомъ возможныхъ причинъ, и здѣсь вѣроятность сплошь да рядомъ достигаетъ минимальной степени. Очевидно, что мы, дѣйствительно, получаемъ возможность говорить исходя изъ нашего опредѣленія и о достовѣрности, и о самыхъ разнообразныхъ степеняхъ вѣроятности. Наконецъ мы можемъ сдѣлать еще нѣкоторый выводъ изъ того же опредѣленія. Собственно, когда мы употребляемъ тер-

мины индукція и дедукція, мы обращаемъ вниманіе не столько на способъ доказательства, сколько на отношеніе различныхъ посылокъ другъ къ другу. Слѣдовательно, они суть методы изслѣдованія, а не доказательства. Если же мы ограничимъ свою задачу тѣмъ, что мы будемъ говорить только о доказательствахъ, тогда мы употребимъ не термины индукція и дедукція, а аналитическій методъ доказательства и синтетическій методъ доказательства. Съ того времени, какъ систему наукъ стали понимать какъ нѣчто единое, цѣлое, на синтезъ стали смотрѣть, что это есть не что иное какъ дедукція, не что иное какъ модусы силлогизма, гдѣ мы идемъ отъ основаній къ слѣдствіямъ. Совершенно такъ же, какъ синтетическій методъ является дедукціей, такъ аналитическій методъ есть индукція. Нѣкоторые склонны бываютъ думать вначалѣ, что какъ разъ наоборотъ: вѣдь мы въ индукціи переходимъ отъ частнаго къ общему, а синтезъ долженъ дать общее въ результатѣ, слѣдовательно, индукція есть синтезъ. Но индукція есть анализъ по слѣдующимъ причинамъ: найти какое нибудь положеніе съ помощью индукціи это значитъ отвѣтить на вопросъ, какія основанія вызываютъ данное слѣдствіе, другими словами найти причину явленія, но для того, чтобы найти причину явленія, извлечь ее изъ сложной совокупности той обстановки, въ которой совершается явленіе, - эту обстановку нужно разложить на ея элементы. Разложить цѣлое на его элементы и одинъ изъ элементовъ принять за причину, есть анализъ. Поэтому индукція разсматривается какъ аналитическій методъ доказательства.

-.-.-.-.-

Оглавление

Стр.

Значение логики 3

Определение и задача логики ... 11

Логика и психология ... 20

Логика и теория познания ... 31

Понятие и их классификация ... 41.

Суждение и их классификация 58

Определение и деление понятий. 79

Критика силлогизма ... 99

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ